

За возвышение души:

Йехезкель бен Израэль (Твердовский)

Давид бен Виктор (Махлин)

בסעודת דשמים

№ 314 Ав 5785

Беерот Ицхак

Дварим • Ваэтханан • Экев • Рез • Шофтим
9 Ава

Рав Хаим Озер Гродзенский, 85 лет со дня смерти
великий мудрец, глава поколения, ав бейт дин г. Вильна

Девятое Ава – "День памяти"

Рав Шимшон Давид Пинкус

Памяти Учителя

21 годовщина со дня смерти
рава Ицхака Зильбера

Будущий мир.

"Что важнее, дела или мысли?"

Рав Авигдор Миллер

Заслуга Торы вернет нам Храм

קרן להחזקת והפצת התורה על שם הגה"צ רב יצחק זילבר זצ"ל • בהנהגת הרב יגאל פולישצ'וק שליט"א

Беерот Ицхак

Периодическое издание Фонда поддержки и распространения
Торы "Беерот Ицхак" имени рава Ицхака Зильбера
под руководством рава Игалья Полищука,
главы русскоязычного отделения ешивы "а-Ран" в Иерусалиме

Главный редактор
Рав Игаль Полищук

Помощник редактора
р. Ури Рабинович

Авторы, переводчики, составители и корректоры:

**р. Пинхас Перлов, р. Берл Набутовский,
р. Александр Кац, р. Овадья Климовский,
р. Нахум Шатхин, р. Михаэль Гафт,
р. Арье Кац, р. Лейб Нахман Злотник
г-жа Лея Шухман, рабанит Полищук**

ЦЕНА: 15 ШЕКЕЛЕЙ

РЕКВИЗИТЫ ДЛЯ ВЗНОСОВ И ПОДДЕРЖКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФОНДА "БЕЕРОТ ИЦХАК"

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ ПЕРЕВОД
Beneficiary's Name: Keren Beerot Itzhak
Registration number: 580566917
Address: Tiferet Ramot 81/8, Jerusalem, Israel
Bank name: Bank Napoalim B.M.
Branch number: 538
Account number: 389-044
IBAN: IL690125380000000389044
SWIFT: ROALILIT
БАНКОВСКИЙ ПЕРЕВОД ВНУТРИ ИЗРАИЛЯ
Банк Апоалим (12), Отделение Рамот (538)
Номер счета: 389-044, имя: כרן בארות יצחק
По вопросам перевода с кредитной карты
в Израиле: +972(0)52 562 47 20
СИСТЕМА נדרים פלוס НОМЕР 1487
ОНЛАЙН ПЛАТЕЖИ НА BEEROT.Ru
PayPal: paypal@beerot.ru
АДРЕС: רב יגאל פולישצ'וק, תפארת רמות 81/8, ירושלים
ТЕЛЕФОН: +972(0)2674 34 84
ФАКС: +972(0)2678 26 65
E-MAIL: info@beerot.ru
Получить налоговые льготы в Израиле
можно **только** при пожертвовании по
следующему QR коду:

ПОДПИСКА (возможна доставка на дом)
+972(0)52 562 47 20
www.beerot.ru/subscription

ЗАКАЗ РЕКЛАМЫ
reklama@beerot.ru

Просьба строго следить за тем, чтобы издание
не выносили в Шаббат в местах, где нет эрува.
Поскольку издание содержит святые слова Торы,
оно требует уважительного обращения и генизы.
Все материалы журнала (в том числе и изданные в книгах)
проходят обязательную редакционную проверку.
Допускается перепечатка материалов издания с обязательной ссылкой.

Просьба молиться за выздоровление

Рефаэль Хаим (Либерман) бен Сара
Йосеф Авихай бен Хана
Ализа бат Хана Гитл
Элиэзер бен Хана Рухля
Рав Шломо Михоэль бен София Шева

За возвышение души

Эмануил бен Шломо Файбел (Любошиц)
Аарон бен Зельман (Залман)
Мойше Хаим бен Шимон (Спектор)
Мириам Елена бат Павел (Швальб)
Батья бат Арье Лейб (Барг)
Цви бен Александр (Коган)
Яков Шмуэль бен Исраэль (Босин)
Тамара бат Некадам (Гулькаров)
Йеошуа (Сева) бен Яков (Сендерович)

Содержание

Актуальная тема

- 4 | **Девятое Ава – "День памяти"**
Рав Шимшон Давид Пинкус
7 | **Памяти Учителя**
о раве И. Зильбере. 21 годовщина смерти

Недельная глава

- 10 | **Дварим**
Высшая справедливость
Рав Шломо Левинштейн
11 | **Ваэтханан**
Шаббат – выход из рабства на свободу
Рав Яков Галинский
13 | **Экев**
Служить Ему всем вашим сердцем
Рав Яков Галинский
14 | **Реэ**
Кому чего не хватает?
Рав Яков Галинский
15 | **Шофтим**
Моё!
Рав Яков Галинский
16 | **Человек Б-га или человек мира**
Рав Шимшон Давид Пинкус

Еврейское мировоззрение

- 17 | **Будущий мир. "Что важнее, дела или мысли?"**
Рав Авигдор Миллер
19 | **Заслуга Торы вернет нам Храм**
Рав Лейб Нахман Злотник
21 | **Бейт Элоким**
а-Мабит

Еврейский взгляд

- 24 | **Преподавание Торы (продолжение)**
О раве Авигдоре Миллере

Наши великие мудрецы

- 27 | **Рав Хаим Озер Гродзенский**
На сломе эпох

Еврейский дом

- 31 | **Цадик из Манхэттена**
Рухома Шайн

Девятое Ава – "День памяти"

Рав Шимшон Давид ПИНКУС

Несчастье – корень утешения

Цифра «десять» в Торе намекает на десять основ всего мира: десятью речениями был создан мир, десять заповедей мы получили на горе Синай и так далее. Отсюда следует, что цифра «десять» – это символ абсолютного совершенства. Существуют десять *сфирот*, являющихся основой всего мира. Причем десять всегда делится на три и семь. Семь мы находим в стихе: «**Величие** (*гдула*), **мужество**, **совершенство**, **вечность** и **великолепие** (*од*), ведь все на небе и на земле – Твое **царство**», а три – это «*кетер*, *хохма* и *бина* (корона, знание и понимание)», или «*хохма*, *бина* и *даат* (знание, понимание и мудрость)».

Царь Давид говорит о семи из десяти, и не упоминает три, поскольку три – это всегда корень, это «скрытое – принадлежит Г-споду, Б-гу нашему». Например: когда мы видим некий предмет, он отражает величие, милосердие, мужество, совершенство и т. п. Но как он был создан? Посредством мудрости, анализа и понимания.

Получается, что всегда, когда мы находим три и семь, три – это корень, источник, а семь – это само здание.

Я слышал от имени рава Моше Шапиро, что чудесный намек на это есть в главе Экев (8:7-8): «Г-сподь, Б-г твой, ведет тебя в прекрасную страну, в землю водных потоков, источников и родников, бьющих в долинах и среди гор, в землю пшеницы и ячменя, виноградных лоз, смоковниц и гранатов, в страну оливковых деревьев и меда...»

Корней – три: водные потоки, источники и родники. А здание, построенное на них, включает в себя семь вещей: «пшеница, ячмень...» и т. д. – семь видов плодов, которыми прославлена земля Израиля.

Теперь давайте посмотрим: в период "между теснин" и после его, мы видим, что мудрецы установили нам три *афтары* несчастий и семь *афтарот* утешения. То есть, в три недели перед Девятым Ава мы читаем *афтарот*, описывающие разрушение Храма и несчастья, произошедшие с народом Израиля, а в семь недель после Девятого Ава – все *афтарот* говорят об утешении, ожидающем нас.

Это замечательное новое понимание: если мы посмотрим, что говорили выше о трех и семи, получается, что три недели траура – это корень утешения!

Момент разрушения – врата к утешению

Этот момент находит свое выражение и еще одним путем. Законы траура, которые мы соблюдаем в три недели "между теснин", имеют несколько этапов. Чем более мы приближаемся к моменту разрушения Храма, тем сильнее траур.

С семнадцатого Таммуза начинается период, когда запрещены свадьбы и стрижка. С начала месяца Ав – уменьшают радость, не едят мяса, не пьют вина и не стирают (разумеется, каждый в соответствии со своими обычаями). В неделю, на которую приходится девятое Ава, законы траура еще сильнее. А разделительная трапеза перед Девятым Ава такая же, как трапеза человека, у которого умер близкий родственник. Как приводится у *гаонов* ("Седер рав Амрам Гаон" и др.) в сам день Девятого Ава мы соблюдаем все законы траура: утром сидим на земле, не накладываем *тфиллин* и т.п. Однако все это – до момента, когда Храм был подожжен.

А когда приходит это страшное мгновение – полдень Девятого Ава, момент пожара, траур почему-то уменьшается: мы встаем с земли, накладываем *тфиллин* и облачаемся в талит, возвращаем на место занавесь на *арон а-кодеш*. На первый взгляд, это совершенно непонятно! Весь наш траур был направлен на этот тяжкий момент, а когда он наступает – мы уменьшаем траур?!

Простое объяснение этого приводится у мудрецов первых поколений согласно Мидрашу (Эйха раба, 4), что поскольку Всевышний излил Свой гнев на деревья и камни, Он не уничтожил в гневе народ Израиля. Однако у наших древних учителей приводится еще одно объяснение: Девятого Ава после полудня рождается Машиах! Это тоже непонятно: разве время, когда языки пламени пожирают Храм, подходит для рождения Машиаха?

Однако мы ясно видим, что, чем тяжелее траур, тем более сильной причиной для

утешения он является. Не праздник Песах с его возвышенными достоинствами, не праздник Шавуот – время дарования нашей Торы, и не какой-то другой возвышенный момент является временем рождения Машиаха. Только время, которое является вершиной траура, момент самого страшного разрушения – это врата утешения. Траур является причиной и вратами для радости – утешения.

Поэтому и сказали наши мудрецы: «Каждый, кто скорбит об Иерусалиме, удостоится увидеть его в радости» (Таанит, 30б).

Эту идею нужно объяснить: каким образом траур может представлять собой причину для утешения?

Суть Девятого Ава

Пророк Зехарья говорит в своем пророчестве (8:19), что в будущем «Пост десятого месяца (т.е. Ава) станет для дома Йеуды весельем и радостью и праздничным днем». Девятое Ава превратится в праздник. Судя по всему, и сейчас в этом дне есть какое-то зерно праздничного дня. В нем заложено то, что будет в будущем.

Мы видим, что у каждого праздника есть определение: Песах – время нашей свободы; Шавуот – время дарования Торы; Рош а-Шана – День памяти и т. п. Какое же определение в будущем мы сможем дать Девятому Ава?

Можно привести в пример хасидское изречение, которое я слышал от имени рабби Моше из Кобрин (в книге "Толдот Авот", стр. 117) – что три недели между Семнадцатым Тамуза и Девятым Ава параллельны трем неделям от Рош а-Шана до Шмини Ацерет. Это подобно художнику, который, желая нарисовать красивую картину, вначале закрашивает холст черным цветом, который будет фоном для разноцветной картины.

Согласно этому сравнению, можно аллегорически определить Девятое Ава тоже, как День Памяти, подобно Рош а-Шана, который называется Днем Памяти.

В Рош а-Шана Всевышний помнит – "память о каждом творении проходит перед Тобой". Девятое Ава – это тоже день, когда мы помним. А что же мы помним?

Память – это одно из самых необходимых человеку качеств. Человек без памяти не вспомнит, что стоящий перед ним – это его близкий друг. Человек без памяти видит только данный момент без всякой связи с прошлым.

Если перед таким человеком поставят тарелку с едой, это будет для него самым главным и целью его жизни. Он не вспомнит, что только вчера вечером слушал урок о смысле жизни. Такой несчастный человек подобен животному. У животного нет памяти, оно живет лишь настоящим. Есть перед ним еда, оно голодно – оно ест.

Человек, обладающий памятью, помнит, что он учил, и знает, что его жизнь не ограничивается тарелкой, ведь вчера он учил о смысле жизни. Его сегодняшняя жизнь связана с вчерашней учебой. Человек с более "острой" памятью будет помнить, что есть конец и есть начало – и всю свою жизнь будет жить в пространстве "помни, откуда ты пришел и куда ты идешь". Память – это жизненное пространство человека.

Рош а-Шана – это День памяти. Если бы мир в этот день судился только по его настоящей реальности – не было бы у него никакой возможности существования. Поэтому в этот день мы пробуждаем "воспоминания" – мы вслух "напоминаем" Творцу мира, что этот мир существует не только сегодня, что были наши праотцы Авраам и Ицхак, и было жертвоприношение Ицхака. Звук шофара пробуждает память о баране, принесенном в жертву вместо Ицхака. Народ Израиля – это не только то, что он представляет собой сегодня, народ Израиля связан со своим прошлым, он охватывает расстояние в тысячи лет. Он питается от этих лет: "помню Я тебе (народу Израиля) милосердие твоей юности, любовь твою, как шла ты за Мной, новобрачная, по пустыне..." (Ирмияу, 2:2).

Девятое Ава – это тоже день "воспоминаний". В этот день мы пробуждаем свою память, и тем самым мы соединяемся со своим прошлым – великолепием Израиля, Храмом, присутствием Шехины, поколениями пророков и *таннаев*. Все это не относится лишь к прошлому – все это связано с нами, с нашим настоящим.

Связь с прошлым

А насколько мы связаны с прошлым?

Известен вопрос Ибн Эзры о заповеди "не возжелай": как можно приказывать человеку не желать, ведь сердце его желает? Отвечает Ибн Эзра: человек не желает вещи, оторванной от реальности, как, например, деревенский парень не пожелает жениться на принцессе, поскольку для него это совершенно нереально.

Еще один пример можно привести – слепой с рождения не пожелает красивой картины, поскольку он не представляет, что это такое. Человек стремится достичь лишь вещи, которые являются частью его.

В нашем поколении есть такие, кто стремится достичь величия рава из Бриска, а есть те, кто желают быть, как Хазон Иш. Но есть ли кто-то, кто желает достичь уровня Абая и Рабы, или даже Рамбама? Нет! На первый взгляд, если мы не стремимся быть такими, как Абая и Раба, получается, что мы отрезаны от них, а потерять связь с *аморами* – означает потерять связь с источником народа Израиля!

Но нужно сказать, что есть два вида стремлений. Есть стремление стать, как тот великий человек – это стремление связывает нас крепкой связью с его величием. Но есть и другое стремление – когда человек плачет о том, что не имеет отношения к тому величию, к тем понятиям. В таком случае, даже если нет крепкой связи с теми представлениям о величии, все равно здесь есть тонкая нить принадлежности и связи с теми высокими уровнями.

Траур Девятого Ава, когда мы сидим на земле – это та самая тоненькая нить, которая связывает нас с Храмом во всем его великолепии. Ведь тот, кто не горюет о Храме и даже не стремится горевать о нем – абсолютно отрезан от него. У него нет никакой связи с ним, и нет никакой причины, чтобы Храм вернулся к нему.

Именно горе и скорбь о разрушении Храма и стремление вернуть его связывают нас с ним и дают нам отношение к нему. Эта связь и является причиной возвращения Храма – вскорости, в наши дни.

Чем глубже скорбь, чем больше стремление и чем крепче связь – тем больше мы имеем отношение к Храму. Когда наступает тот страшный момент, тот час, когда языки пламени сожгли Дом нашего Б-га, горе и печаль настолько велики и глубоки, что они крепко-накрепко привязывают нас к Храму. Эта крепкая связь и есть самое подходящее время для рождения Машиаха.

Помнить о разрушении – и есть утешение

В трактате "Таанит" (29а и Раши) говорят наши мудрецы, что злодей Торносропус распахал место Храма, и таким образом исполнилось пророчество "Цион будет, как поле, распахана".

Рав из Бриска объясняет это в соответствии

со сказанным в Тосефте (Брахот, 1:15): "Шхина не возвращается, пока не появится гора", т. е. есть закон, что Храм обязательно будет на горе, и поэтому злодей Торносропус распахал место Храма и вокруг него, чтобы оно уже не считалось горой.

Я услышал замечательную идею от одного из больших знатоков Торы. Там же, в трактате "Таанит", мудрецы упоминают в числе одной из трагедий Девятого Ава факт, что "был распахан город". На первый взгляд, после того, как был разрушен сам Храм, какая нам разница, осталось ли это место, как было, или его распахали?

Ответ в том, что, если бы развалины Храма остались, как они были, человек, видевший это, вспоминал бы о Храме, горевал бы и плакал. Болезненная память связывает его с Храмом, и есть в этом некое утешение – все-таки связь осталась.

Когда же Торносропус, из-за своего великого злодейства, распахал это место и сделал вместо него поле, посадил там деревья и цветы, прошлое как бы исчезло, его нет – а значит, не о чем и плакать. Появился новый мир, бутоны и цветы, давайте наслаждайтесь настоящим. Стирая следы разрушения, он стер прошлое. Этот злодей желал полностью отрезать народ Израиля от его прошлого и поэтому хотел отнять у них последнюю надежду и шанс на возвращение Храма.

Стирание следов катастрофы – хуже, чем сама катастрофа.

В этом и заключается свет этих дней. Дней, когда мы укрепляем нашу связь между нами и Храмом. Даже если мы не в состоянии полностью соотнестись с прошлым, мы хотя бы оплакиваем прошлое, привязываем к нему тонкую нить. Так мы соединяем свою жизнь с великолепным прошлым народа Израиля.

Связь с прошлым – и в Торе

Этот принцип связан и с актуальной темой – каникулы. Начнем с истории, демонстрирующей понятие "усердие" (*атмада*).

Два великих брата, рабби Шмельке из Никольсбурга и рабби Пинхас, автор книги "Афлаа", учились вместе. В отличие от нашего времени, они учились без ограничения времени. Они не шли спать, а просто учились и учились, пока не падали...

Однажды посреди учебы рабби Пинхас пошел принести книгу и не вернулся. Рабби

Шмельке подождал какое-то время, но, когда увидел, что брат не возвращается, пошел его искать. Обнаружил его спящим на полу. Видимо, тот упал от усталости и заснул. Рабби Шмельке посмотрел на брата и увидел, что тот подложил руку под голову, как подушку. "Что ты спишь! – сказал он ему, – Если у тебя были силы поднять руку, мог бы поучиться еще немного. Если будешь спать сейчас, что будешь делать в могиле?"

Как вам история об усердной учебе?

Что мы скажем на это? Ну, у нас есть оправдания: это было в прежние времена, сейчас все по-другому. Сейчас представления изменились...

Верно, но для этого у нас есть Девятое Ава!

Даже если у нас нет стремления к такому усердию, но мы хотя бы скорбим и плачем о том, что эти понятия выше нашего уровня – мы имеем связь с теми святыми праведниками, с теми возвышенными представлениями. Если же мы машем рукой: "Времена изменились, что нам до этого?" – мы разрываем связь с нашими предками и предками их предков, связывающих нас с Торой, полученной на Синае.

Ощущение свободы – отсечение от источника жизни

Все зависит от подхода к каникулам. Если подход таков: "Наконец-то наступили каникулы", ощущение освобождения, улыбка на лице – это значит, что человек разрывает связь с источником жизни. Если же мы живем

с ощущением связи с прошлым, осознавая, что "Я – Г-сподь, не изменил" (Малахи, 3:6), понимая, что на самом деле нет различия между временем мудрецов Талмуда и нами, и хотя понятия усердия в учебе и величие прошлых поколений даже не в списке наших стремлений, но, в любом случае, мы хотя бы сожалеем и плачем об этом – мы соединены с жизнью.

Позволить себе "расслабиться" (не в уличных понятиях – мы говорим о *бней-Тора*), ощутить свободу и приволье, это значит отрезать себя от чистого родника. Это и есть пик разрушения, "распаханный город" – когда полностью стирают прежние времена, великолепия Израиля. Живут сегодняшним днем и все на этом.

Это и есть практическое указание каждому *бен-Тора*. Слава Б-гу, *бней-Тора* стараются учиться и на каникулах, собираются в домах учения и устанавливают себе время учебы. Однако есть фундаментальный момент: если это учеба с ощущением свободы – это, не дай Б-г, разрыв связи с источником Израиля. А если и эта учеба происходит в стремлении связать себя с предыдущими поколениями, хотя и нет у нас возвышенной тяги к уровню *таннаев* и *амораев*, но мы хотя бы сожалеем и плачем об этом, тогда у нас есть тонкая нить связи с ними, с источником Торы.

Это и есть урок Девятого Ава. Этот день, называемый *моэд* – памятный день, день света, связывающий нас с великолепным прошлым народа Израиля.

Перевод: г-жа Л. Шухман

Памяти Учителя

Девять дней с начала месяца Ав – особенно тяжелое время для нашего народа. Это дни, когда тяжесть нашего изгнания воспринимается с особенной горечью, а траур по разрушенному Храму и Шхине обостряет боль в наших душах до предела.

И так уж случилось по воле Небес, что именно в эти дни русскоязычное еврейство Торы понесло тяжелейшую утрату – 8 ава покинул этот мир наш наставник и учитель рав Ицхак Зильбер.

Для нас, русских баалей-тшува, трудно переоценить роль рава Ицхака.

Даже те, кто никогда его не видели, и не удостоились учиться у него лично, так

или иначе испытывают на себе влияние его личности, неповторимый свет праведника, который не уходит со смертью. В преддверии очередной годовщины его смерти, стоит вспомнить великие заслуги рава Ицхака, его неповторимый след в нашем мире.

Рассказывает рав Бенцион Зильбер.

«Мой папа жил по принципу "Что я должен сделать?" Он не спрашивал себя: "могу я это сделать или нет?" Он видел приказ Б-га: надо жить по Торе, надо соблюдать Субботу, надо воспитывать детей. Вопрос "Как это сделать?" был второстепенным – путь найдется. Они искали и находили пути, но самый главный вопрос – "Что нужно делать по Торе

в данный момент? Чего Б-г хочет от меня?” А как дальше это осуществить – это уже вопрос технический. Если человек намеревается осуществить желание Всевышнего – совершенно неважно, будет это легко или тяжело, станет ли нам от этого легче или тяжелее, – все это уже второстепенные вопросы.

Когда я сейчас смотрю назад, в прошлое, то думаю, что если бы мы этого не видели, то поверить в это было бы очень трудно. Практически единственный человек в городе Казани, который хочет выполнять заповеди и учить Тору (были еще пожилые люди, соблюдавшие там), который так решительно соблюдает и не нарушает Субботу, и так воспитывает своих детей... Если бы мы сами этого не видели – трудно было бы поверить в такое.

И все это показывает нам великую силу, которую Б-г дал каждому из нас. Наши мудрецы говорят нам в гемаре Санедрин: «Б-г ведет человека по тому пути, по которому тот хочет идти». Но вопрос здесь в том, чего человек хочет. У людей, как правило, есть много разных желаний. Но когда человек чего-то хочет по-настоящему, он готов отдать для этого силы, даже рисковать ради реализации своего желания. И вот тогда, когда человек чего-то хочет по-настоящему – это превращается в огромную силу.

Я хочу повторить сейчас то, что я слышал от главы ешивы Мир, рава Хаима Шмулевича. Он говорил, что многие люди привыкли считать: от одного человека ничего не зависит. Как говорят по-русски – один в поле не воин. Рав Хаим Шмулевич говорил, что так думать – это огромная ошибка. Если человек работает с полной самоотдачей – тогда и один в поле воин. И он приводил на это доказательства из гемары в трактате Санедрин, где рассказывается о том, как Билам запряг свою ослицу и пошел с вельможами Моава. Спрашивают наши мудрецы: почему он сам запряг? Ведь Билам был очень уважаемым человеком – разве у него не было помощников и слуг? Отвечает гемара: ненависть меняет рамки поведения. Когда человек чего-то по-настоящему хочет, даже в силу ненависти, – он не смотрит на правила поведения. Билам шел проклинать евреев с полной самоотдачей, самоотверженно. И в этом была огромная опасность для еврейского народа – человек, который идет к реализации своего желания с такой самоотдачей, может преуспеть. Что же ему помешало?

Говорит гемара: их (евреев) праотец Авраам был раньше него. Когда Авраам-авину шел приносить Ицхака в жертву, о нем также сказано, что он сам запряг своего осла. Авраам также был уважаемым человеком и у него были слуги. Почему он сам запряг осла? Отвечает гемара: любовь меняет рамки поведения. Когда человек что-то по-настоящему любит, он не смотрит на правила поведения.

И получается противостояние между Билагом, который хотел уничтожить еврейский народ, и Авраамом-авину, который любил Всевышнего. Говорят наши мудрецы: Авраам был сильнее. Можно сказать так: он был сильнее потому, что он был намного раньше Билага, но если подумать глубже, то можно увидеть разницу: про Билага Тора говорит, что он “ваяком” – “и встал”. Он поднялся утром в свое обычное время. А про Авраама Тора говорит – “ваяшкем”. Известно, что когда человек встает ради какого-то очень важного дела, он встает пораньше. Слово “ваяшкем” означает, что Авраам поднялся с утренней зарей. И получается, что любовь Авраама к Б-гу была больше, чем ненависть Билага к евреям. Поэтому сила Авраама больше, и он побеждает.

Когда один человек работает с полной самоотдачей – это огромная сила, которая может перевернуть весь мир. Многие великие вещи в нашем мире начинались с одного человека, весь наш народ начался с одного человека, который работал с полной самоотдачей и не считался ни с какими трудностями, а только с желанием Б-га!

И в папе мы видели эту огромную силу. По пути, по которому человек хочет идти – ведут его. Многие вещи, которые папа делал в Казани, Ташкенте и здесь, в Иерусалиме, естественными путями было сделать невозможно. Но когда у человека есть настоящее желание, и он старается делать это с полной самоотдачей – это ломает все преграды на его пути. И именно по силе желания человека и по тому, насколько он готов потратить свои силы и время на его реализацию, – настолько Б-г ему помогает. И это то, что мы видели у папы.

Когда он приехал сюда, и увидел, что тут почти нет людей (среди тех, кто приехал из России), которые изучают Тору, то он начал учиться с ними с полной самоотверженностью. Сначала с одним, потом с другим и т. д. И Б-г помог – мы видим большое количество

выходцев из России, которые живут по Торе и изучают Тору. И это то, о чем мы говорили – желание одного человека стало огромной позитивной силой с помощью Небес.

Еще одна важная вещь, которую я бы хотел сказать о папе. Рамбам пишет, что у Всевышнего есть на каждого ашгаха пратит [Б-жественное наблюдение за каждым человеком – примечание редактора]. Но у нее есть также разные уровни. У каждого праведника, который служит Всевышнему, есть свой уровень этой ашгахи. И по мере того, насколько человек близок к Б-гу – настолько же Б-г близок к нему.

У папы была удивительная, прямая близость с Творцом. Всегда, в любой тяжелой ситуации, он обращался к Б-гу, и просил Его. И папа всегда обращался просто: “Всевышний, я сделаю то, что я смогу, а Ты – то, что Ты можешь”. И Б-г помогал.

Давайте вдумаемся в сказанное равом Бенционом Зильбером. Многим из нас знакома поговорка «один в поле не воин». Для людей, выросших под влиянием чувства советского коллективизма, такой подход не вызывал вопросов. Действительно – тяжело, просто невозможно в одиночку бороться с безжалостной тоталитарной системой, которая стремится контролировать даже душу человека. Но если человек преданно служит Всевышнему – вся тяжесть окружающей действительности превращается в обстоятельство, которым можно пренебречь.

Любовь к Всевышнему и желание исполнять Его Тору способны превратить одного человека в огромную силу. И эта сила противостоит всем репрессиям тоталитарной системы, всему ужасу, который творился в Советской России. Рав Ицхак вышел на войну не один, он был во всеоружии – его вера во Всевышнего всегда была с ним. И против этого «оружия» ничто в материальном мире не способно устоять. Главное – поступать по воле Творца всегда, в любых обстоятельствах.

Да, это тяжело и опасно – идти наперекор всему окружающему миру. Но именно так поступал рав Ицхак. Во имя Творца, как и наш праотец Авраам, – он соблюдал заповеди, учил и преподавал Тору даже в коммунистическом аду. И в результате... Его подлинно еврейский героизм и самоотдача принесли небывалые плоды: на месте духовных руин русскоязычного еврейства расцвел красивейший сад Торы.

Рав И.Зильбер и Рав И.Полищук.
Сиюм (йешиват а-Ран, Йерусалим 02 г.)

Говорит рав Игаль Полищук, один из первых учеников рава Ицхака в Иерусалиме.

«Рав Бенцион сказал, что наш учитель, рав Ицхак, всегда искал исполнения того, чего хочет Всевышний. И это была не основа его жизни – это была вся его жизнь. Зададим себе вопрос: откуда он знал, чего Всевышний хочет от него? Он был пророком? У него была прямая постоянная связь с Всевышним? Откуда он знал? Мне кажется, что ответ здесь очень простой: у нас есть постоянная связь с Всевышним – это Тора, которую Он нам дал.

Наш учитель с детства учил Тору – в любых условиях и любых ситуациях. Как я слышал, он закончил ШАС [полностью закончил изучение всех трактатов Вавилонского Талмуда – примечание редактора] в России дважды...

Всегда, когда видишь большого человека, можно рассмотреть только внешнюю часть его поступков, и не искать их корень. Я слишком маленький человек, чтобы понимать корни поступков великих людей, но то, что мне совершенно очевидно – наш учитель в любой ситуации вкладывал огромные силы в Тору и соблюдение заповедей.

Я расскажу одну вещь, которую слышал от него. Он рассказывал мне, что привык в Казани учить Тору, закутавшись в одеяло. Было холодно и не было дров, и поэтому он закутывался. И привык так учиться всю жизнь. Даже приехав в Эрец-Исраэль, он учился в пальто.

Есть множество фактов и историй из жизни рава Ицхака, которые известны из его книг. И нужно просто уметь их прочесть и понять. Его жизнь была непрерывной погоней за тем, чтобы понять, чего от нас хочет Б-г, и это исполнить.

Были великие мудрецы, которые думали,

что русскоязычное еврейство окончательно потеряно. Наш учитель был не просто близок к Б-гу – он имел силы передать эту близость нам. Мы удостоились того, чего удостоились очень немногие. Как известно, рав Ицхак назвал одну из своих книг «Пламя не спалит тебя». Он и сам был таким пламенем – эш кодеш, святым огнем Торы, который никому не причиняет вреда, а только приближает к себе. Он был светом и теплом Торы!

Наш учитель получил Тору от своего великого отца, рава Бенциона-Хаима, который был учеником великого Ор Самеаха, учеником ешивы Слободка. И именно рав Ицхак стал для всего русскоязычного еврейства тем звеном, которое связало наше поколение с цепочкой передачи Торы. И то, что рав Ицхак оставил после себя сына, великого мудреца Торы, рава Бенциона, это и есть преемственность поколений в передаче Торы – масорет а-Тора. Я слышал от рава Бенциона следующее: «папа жил, как в Литве, в еврейской Литве в дни ее величия – в ее святых домах учений». И теперь нам должно быть ясно, что мы удостоились получить Тору от человека, который сам всю жизнь был звеном в цепочке передачи Торы, который получил свою Тору от отцов и дедов.

Мне кажется, что здесь нужно понять одну важную вещь: рав Ицхак был нам послан Всевышним для того, чтобы собрать оторванные от еврейского народа души и привязать их обратно – к цепочке передачи Торы. И все мы должны идти по такому же пути.

Мы, слава Б-гу, сейчас не в Советской России. Мы находимся в Эрец-Исроэль, где есть огромное количество святых ешив и выдающихся мудрецов Торы. И наша задача – научиться быть частью еврейского народа, частью бней-Тора – людей верующих, и полностью соблюдающих Тору.

Если мы хотим идти по пути нашего учителя, то мы должны посмотреть, куда он сам направил своих детей? И если мы сами будем идти по пути поиска того, чего Б-г хочет от нас, и хотя бы немножко приложим свои силы для того, чтобы это реализовать, – наши дети, с Б-жьей помощью, станут частью еврейского народа, частью непрерывной цепочки передачи Торы».

Подумать только, на что способен один праведник – вернуть к Творцу несметное количество еврейских душ! Душ, совершенно потерянных, уничтоженных духовно, оторванных

от веры и обычаев предков, от Торы и Творца! Один человек с полной верой и желанием жить повелениями Всевышнего, несмотря ни на что, – воистину оказался способен перевернуть весь мир.

Наш учитель не просто получил Тору у своего отца и передал ее своему сыну – он передал эту Тору, Тору уничтоженного поколения, Тору сожженных местечек, – нам, вернувшимся к Всевышнему в зрелые годы. Он воспитывал нас, как собственных детей, наполняя Торой пустоту наших душ. Он оставлял свою Тору, свое учение, чтобы учиться – не только с собственными детьми, но и с заблудшими детьми еврейского народа. Не с одним и не с десятью, а со многими сотнями, приходившими к нему. Он учил словом и личным примером. Его душевные качества стали (и должны оставаться) образцом для всего русскоязычного еврейства Торы. Пример его жизни – это пример настоящей борьбы за то, чтобы в любых обстоятельствах желание Всевышнего и его Тора оставались главным приоритетом в жизни.

Бесчисленны истории, когда он бросался на помощь совсем незнакомым или едва знакомым людям. Там, где Всевышний говорил «Да» – в добрых делах и помощи людям, – для рава Ицхака не было слов «нет» и «невозможно». Он шел и прилагал максимум усилий, чтобы сделать, помочь, приободрить, успокоить, увещевать... Рав Моше Шапиро говорил, что если бы в наше время нам понадобилось понять, как выглядел шатер нашего праотца Авраама – надо было посмотреть на дом рава Ицхака Зильбера.

Когда он все успевал, как находил время для каждого? Нет и не может быть иного объяснения, кроме помощи Свыше. Той самой, о которой сказали наши мудрецы: Б-г ведет человека по тому пути, по которому тот хочет идти.

Пламя Торы нашего наставника зажгло огонь в тысячах еврейских душ по всему миру. Этот огонь – огонь высшей святости и чистоты, стал светом субботних свечей в сотнях семей, согрел тысячи сердец словом Торы. Наш учитель рав Ицхак зажег маяк, который ярко светит сквозь нестерпимую тьму изгнания и указывает верный путь всем заблудшим сыновьям нашего народа. И этот огонь, с Б-жьей помощью, вновь разожжет жертвенник отстроенного Храма, да случится это в скором времени, в наши дни!

Составил: рав Арье Кац

Недельная глава

ДВАРИМ

Рав Шломо ЛЕВИНШТЕЙН

Высшая справедливость

"Я сказал вам: Не под силу мне одному нести вас" (1:9)

Комментарий Раши: «Разве может быть, что Моше не мог один судить народ Израиля? Человек, который вывел их из Египта, рассек им море и послал им перепелов, не мог судить их? Однако он сказал им так: "Г-сподь, Б-г ваш, очень приумножил вас и поднял вас над вашими судьями, забрал наказание у вас и наложил на судей".

Так сказал царь Шломо (Млахим 1, 3:9): "Кто сможет судить этот тяжелый народ Твой?" Как может быть, что тот, о котором сказано (там же, 5:11): "самый мудрый из людей", говорит: "Кто может судить?" На самом деле царь Шломо имеет в виду вот что: "Законы этого народа отличаются от законов других народов. Ведь, если я обяжу ответчика платить не по закону, наказывают мою душу, как сказано (Мишлей, 22:23): "(Б-г) отберет душу у тех, кто обирает их"».

Тяжелая ответственность лежит на судьях народа Израиля в отношении выносимых ими решениях суда. Если они вынесли неправильное решение, они могут быть наказаны Свыше за это, ведь каждая копейка, находящаяся в кармане какого-либо человека, находится у него не потому, что ему повезло и т. п., а лишь по постановлению Творца. Поэтому, если человек берет деньги нечестным путем, Всевышнему приходится "трудиться" и делать так, чтобы эти деньги были отняты у него и переданы тому, кому они должны принадлежать.

В книге "Наши отцы рассказывали нам" приводится замечательная история, произошедшая во времена рава Ихиеля из Парижа, одного из Баалей Тосафот, которая явно доказывает вышесказанное.

В районе, где жил рав Ихиель, жили два ювелира, Яков Абудраам и Нафтали Азария. Оба они в канун Рош а-Шана решили поститься и молиться Всевышнему, чтобы Он открыл им во сне, сколько им суждено заработать в будущем году. Ведь известно, что весь заработок человека присуждается ему в Рош а-Шана.

На удивление, молитва обоих была принята, и оба увидели во сне свои будущие доходы. Якову было суждено заработать двести золотых, а Нафтали – сто пятьдесят. Когда наутро они

рассказали раву о своих снах, тот посоветовал им записывать в блокнот все свои доходы.

В последующие месяцы они приобрели совместно какое-то количество товара. Но тут вмешалось дурное начало – тяга к ссорам. Каждый из них утверждал, что вложил в покупку большую сумму, и поэтому ему полагаются большая прибыль. Дело докатилось до раввинского суда рава Ихиеля.

Поскольку свидетелей покупки не было, не было и никакого документа, рав Ихиель спросил, у кого сейчас находится товар. Когда рав услышал, что у Якова, он постановил, что тот, кто держит товар, имеет преимущество, и поэтому Нафтали должен привести доказательства своей правоты. Если же он не может привести доказательство, Яков должен поклясться, что он прав, и тогда получит половину прибыли.

Нафтали не смог предоставить доказательства но и Яков отказался клясться, хотя и продолжал утверждать, что он прав. Суд все длился и длился, и наконец Яков сказал, что он уступает Нафтали десять золотых, которые, по его словам, полагаются ему.

В конце года, в канун следующего Рош а-Шана, оба подвели баланс и с удивлением обнаружили, что Яков заработал в этом году на одиннадцать золотых меньше, чем ему было предсказано во сне. А Нафтали, наоборот, заработал ровно на одиннадцать золотых больше.

Когда раву Ихиелю стало это известно, он обратился к Нафтали и сказал: "Ты заработал больше предсказанного, а твой друг – меньше, с разницей в одну и ту же сумму. Получается, что твой друг был прав, утверждая, что ему полагается больше. Тебе следует вернуть ему эту разницу". Однако Нафтали отказался: "Наверняка дело не в этом. Ведь в свое время Яков утверждал, что я должен ему десять золотых, а сейчас речь идет о разнице в одиннадцать золотых". На это Яков вмешался и сообщил, что один золотой он потратил на писца, который писал заявку в суд и посланника, который вызвал Нафтали на суд.

Тем не менее, Нафтали был не готов ничего слушать. "Сны, как известно, говорят пустое, – утверждал он, – какое они имеют отношение к реальной жизни?"

Делать нечего, Яаков снова уступил. Что еще в силах человека предпринять? Однако у Творца есть Свои способы восстановить справедливость.

Когда Яаков вернулся в свой магазин, обнаружил, что тот полон покупателей. Покупателей приходили один за другим, Яаков продавал без отдыха, и за один день заработал неслыханную сумму – одиннадцать золотых!

А Нафтали? Нафтали, к сожалению, просидел весь день зря, ни одного украшения ему не удалось продать. Но на этом его беды только начались: когда он закрыл магазин и пошел домой, от расстройства не заметил прилавков стеклянной посуды, споткнулся о него, все сосуды упали и разбились, и он сам упал на осколки и порезался. Но и это еще не все: владелец посудного магазина оказался человеком горячего нрава, он выскочил и вместо того, чтобы помочь несчастному Нафтали встать, еще и избил его, и тут же потащил в суд, чтобы ему присудили возмещение ущерба.

Пришел специалист и оценил нанесенный ущерб. Как вы думаете, в какую сумму? Именно так – одиннадцать золотых.

Тем временем уже совсем стемнело, наступил Рош а-Шана, и домочадцы Нафтали стали в большой тревоге искать главу семьи. Ведь магазин был закрыт на замок, но и в синагогу он не пришел. Наверняка что-то случилось! Пока они бегали и искали его, Нафтали с большим трудом дошел до дома, весь избитый и пораженный, и рассказал им все, что произошло. Теперь он больше не ждал, а сразу же отправился к раву просить прощения. Рав велел ему попросить прощения у Яакова, и в своей речи, которую произносил в тот Рош а-Шана, рассказал эту историю, доказывающую, как велико Провидение Творца, Благословен Он, которое размещает одиннадцать золотых точно в том кармане, в каком они должны быть.

Перевод: г-жа Л. Шухман

ВАЭТХАНАН

Рав Яаков ГАЛИНСКИЙ

Шаббат – выход из рабства на свободу

Есть несколько различий между тем, как написаны Десять речений в книге "Шмот", главе "Итро", и тем, как Моше рабейну повторяет их в книге "Дварим", в нашей главе. Маараль из Праги объясняет, что в книге "Шмот" они были написаны точно так, как были сказаны Всевышним, а в книге "Дварим" Моше рабейну говорит их так, как их поняли получившие Тору.

Например, очевидно, что Шаббат наполнен особой бесконечно возвышенной святостью, о которой мы и представления не имеем. Кроме того, в Шаббат есть строгие запреты совершения определенных видов работы – *млахот*, и тот, кто их нарушает, подлежит смертной казни. Поэтому, в первых Скрижалях было сказано: "Помни день Субботний, чтобы освятить его". Здесь подчеркивается память и мысль, понимание и освящение. С другой стороны, на практике, с нашей стороны, ударение идет на "храни день Субботний, чтобы освятить его". (А мы знаем, что "храни" всегда сказано о запретительных заповедях – см. Эрувин, 96а). То есть, подчеркивается практическое соблюдение Шаббата и воздержание от работ.

Теперь мы можем понять также, почему в первых Десяти речениях было дано объяснение повеления о соблюдении Шаббата: "Поскольку шесть дней создавал Г-сподь небо, землю и море, и все, существующее в них, и покоился

в день седьмой, поэтому благословил Г-сподь день Субботний и освятил его" (Шмот, 20:11). А в книге "Дварим" приводится совершенно другое объяснение: "Помни, что рабом ты был в земле Египетской, и вывел тебя Г-сподь, Б-г твой, оттуда. Поэтому повелел тебе Г-сподь, Б-г твой, соблюдать день Субботний" (Дварим, 5:15). Если задуматься, можно ясно увидеть, что в первых речениях упомянуто, почему "благословил Г-сподь день Субботний и освятил его", то есть – смысл, почему Свыше был установлен Шаббат. А в речениях, повторенных Моше, появляется объяснение, почему "повелел тебе Г-сподь, Б-г твой, соблюдать день Субботний", в чем заключается величайшая польза Шаббата для нас. И какова она? "Рабом ты был в земле Египетской и вывел тебя Г-сподь, Б-г твой, оттуда".

Давайте объясним. Раб – его тело принадлежит господину, его рука – как бы продолжение руки господина, все, что он приобретает – принадлежит господину. Он весь во власти господина, своего у него нет ничего.

А мы?

Давайте вспомним: когда фараон в ужасе выгонял народ Израиля из-за казни первенцев, они сказали: «Ты желаешь избавиться от этой казни? Тогда скажи: "Вы свободны, вы в своей власти, вы – рабы Всевышнего"». Фараон закричал: "Раньше вы были моими рабами, а

теперь вы свободны, вы в своей власти, вы – рабы Всевышнего! Вы должны прославлять Его, что вы Его рабы, как сказано: "Алелуия, прославляйте, рабы Г-спода!" (Мидраш на Теилим, 113).

Нужно понять, ведь вроде бы здесь есть противоречие. Как можно сказать одновременно: "Вы свободны, вы в своей власти", и вместе с тем – "вы – рабы Г-спода!"

Ведь если они свободны – они не рабы. Если они в своей власти, они не во власти Всевышнего!

Но на самом деле, именно это и имеется в виду: лишь раб Всевышнего может быть по-настоящему свободен и находиться в своей власти!

Ведь "открыто и известно Тебе, что мы желаем выполнять Твою волю" (Брахот, 17а), и что Всевышний – сердце народа Израиля (Мидраш раба на "Песнь песней", 5:2), это наша суть и наше "я". Когда мы связаны с нашим Творцом и выполняем Его волю, мы реализуем свое предназначение, растим себя, строим себя на славу. Как счастливы мы, как замечателен наш удел и как прекрасна наша судьба!

Проблема только в том, что мы до сих пор "рабы фараона", как писал Рамбам (в своем письме к сыну), что фараон символизирует дурное начало, а Египет – физические материальные силы, и мы безостановочно служим им.

"Они (евреи) построили для фараона города-хранилища – Питом и Раамсес". "Хранилища" на иврите сказано *мискенот*, что можно перевести, как "несчастные". Объясняется в трактате "Сота" (11а), что они делали несчастными и *месакнот* (подвергали опасности) их строителей. "Питом" – *пи-теом* (уста бездны), уста бездны проглатывали его. Сколько бизнесов развалилось, сколькой вложений были "проглочены", сколько растаяло, как сон, сколько иссохло, как деревья в пустыне... "Раамсес" – *мипросес*, т.е. разбивается на осколки, как сказано: "Тот, кто зарабатывает – складывает в дырявый кошелек" (Хагай, 1:6).

Говорит Мидраш раба на "Коэлет": «Мы учим от имени рабби Меира, что, когда человек приходит в этот мир, его кулаки сжаты, он как бы говорит: "Весь мир – мой, я владею им". А когда он покидает этот мир, его ладони открыты, как бы говоря: "Ничего я не взял из этого мира..."».

Как всех поразил в свое время факт, что великий духовный наставник рав Йехезкель Левинштейн умер со сжатыми пальцами рук!

Он, который всю жизнь боролся, чтобы освободиться от пут дурного начала и дурных душевных качеств, от наручников желаний и страстей, от веревок лени, он был свободен! Он

приобрел свой мир, сумел получить и этот мир, и будущий, счастлив он и замечателен его удел!

А мы что ответим в день Суда?

Я не говорю о грехах, в них мы полностью раскаемся. Я не говорю о заповедях, сказано, что самые "пустые" евреи полны заповедей, как гранат – зернышек. Но что мы делали со своей жизнью? Строили – а уста бездны поглощали наши постройки, мы строили – и все разрушалось, с чем мы придем? С пустыми руками. Все утекло сквозь пальцы!

Известны слова Виленского Гаона, что самое великое горе в жизни человек испытывает в момент ухода, когда осознает, насколько разбазарил свою жизнь. Вместо того, чтобы приобрести вечные ценности, жизнь пролетела как сон. Но тогда уже поздно...

Вот для этого нам и дан Шаббат. "Шаббат подобен Будущему миру". Так же, как душа, поднимаясь в Высший мир, понимает, что растратила свои годы на пустой сон, но тогда уже поздно, так каждый Шаббат наш взгляд поднимается, мы отрываемся от будничной суеты и рабочей гонки и ощущаем сияние и святость дня. Мы вдруг понимаем, что в жизни главное, а что второстепенное, и принимаем решение: пробудиться ото сна, превратить жизнь в настоящую – добавить уроки Торы и еще духовности.

Но бывают такие люди, что и Шаббат им не помогает. Они уверены, что будничные дни – это и есть настоящая жизнь. В эти дни действуют, зарабатывают, добиваются. Как жаль, что приходится прерывать все в Шаббат. Ну, стоит тогда хотя бы выспаться как следует, набраться сил на следующую неделю. О них сказали наши мудрецы: «Тот, кто семь дней спал и ни разу не видел сна – плохо», как сказано в "Мишлей": "Б-гобоязненность дает жизнь, а сытый, который ложится спать, не подсчитав – злодей" (19:23). Читай не "савеа" (сытый), а "шева" (семь)».

Объяснение этому таково: тот, кого б-гобоязненность подгоняет добавить еще Торы и заповедей, превращает свою жизнь в жизнь настоящую, приобретает ею вечность. А если спит и не пользуется жизнью, как нужно, и более того – он сыт, то есть доволен своими суетными делами и не анализирует свои поступки, не задумывается над жизнью – горе ему. Об этом и сказано: "сытый, который ложится спать, не подсчитав – злодей". А когда подходящее время для такого самоанализа, когда человек может посмотреть на свою жизнь взглядом истины? В Шаббат. Однако "тот, кто семь дней спал

и не видел сна", если он даже в Шаббат не пробуждается, чтобы понять, что эта суетная жизнь – всего лишь сон, в котором нет ничего настоящего, такому человеку ой как плохо.

Об этом и сказано: "Помни, что рабом ты был в земле Египетской". Не было у тебя времени для себя, ты был не в своей власти и скатился на 49 ступеней нечистоты, "и вывел тебя Г-сподь, Б-г твой, оттуда мощной дланью и мышцей

простертой", чтобы ты стал свободен, чтобы стал сам себе господином, чтобы построил себя и свой мир и приобрел жизнь в вечности. Но если ты заново стал рабом своим страстей и желаний – "поэтому повелел Г-сподь, Б-г твой, соблюдать день Субботний", поскольку "шесть дней работай и делай все свои дела, а седьмой день – Шаббат Г-споду, Б-гу твоему"!

Перевод: г-жа Л. Шухман

ЭКЕВ

Рав Яков ГАЛИНСКИЙ

Служить Ему всем вашим сердцем

"Если вы будете... любить Г-спода, Б-га вашего, и служить ему всем сердцем и всей душою..."

Сказано в трактате "Рош а-Шана" (18а): "Рабби Меир говорил: двое, которые заболели одной и той же болезнью, или двое, которые попали под суд за одно и то же преступление, один выздоровел, а другой – нет, один спасся от смертного приговора, а другой – нет. Почему один выздоровел, а этот – нет? Почему одного отпустили, а другого приговорили к смерти? Потому, что один молился и Всевышний внял его молитве, а второй молился – и Всевышний ему не ответил. А почему молитва одного была принята, а другого – нет? Потому, что один молился цельной молитвой (сосредоточенно, с серьезным душевным настроем), а молитва второго не была цельной". Представьте себе, рабби Меир не находит никакой другой причины! А если у другого больше грехов? А у первого, скажем, заслуги предков? Нет, все зависит только от одного: силы молитвы!

Поэтому главная наша задача – научить себя раскрывать сердце в молитве. Сказано в трактате "Недарим" (40а), что каждый, кто навещает больного, способствует его выздоровлению, поскольку просит о нем милости Творца, чтобы послал больному жизнь. А тот, кто не посещает больного, не просит о нем милости и не помогает его выздоровлению. Нужно понять: в чем проблема молиться и просить о нем милости из дома, не навещая его? Ответ в том, что если человек пришел, увидел больного, как он страдает и мучается, его молитва будет совсем другой и обязательно поможет. Так можно объяснить и сказанное там же, что не стоит навещать больного утром, так как утром человек чувствует себя лучше, и посетитель не увидит, как он страдает, и не будет молиться за него из глубины сердца, а тогда молитва недостаточно поможет его выздоровлению.

Есть одна история в Мидраш раба на "Песнь песней" (1:30): в городе Цидон жила одна супружеская пара. Прошло десять лет со дня свадьбы, а детей у них все еще не было. Супруги, хотя и любили друг друга, с грустью решили расстаться.

Пришли они к рабби Шимону бар Йохаю и рассказали, что уже десять лет они женаты, но у них нет детей, и теперь они решили разойтись.

"Я понимаю... - сказал рабби Шимон, - что ж, можете развестись. Но я прошу вас сделать одну вещь: когда вы женились, вы устроили большую праздничную трапезу, верно? Сейчас, когда вы собираетесь расстаться – сделайте то же самое!"

Супруги повиновались велению рабби Шимона, и устроили большую трапезу. Не знаю уж, был ли там оркестр и что написали в приглашениях – "Такой-то и такая-то разводятся в добрый час"? Однако трапеза продолжалась несколько часов, подавались разнообразные яства, и вино лилось рекой... В какой-то момент, когда муж уже был навеселе, он позвал жену и сказал: "Дорогая моя, я разрешаю тебе взять любую, даже самую ценную вещь в нашем доме. Бери ее и возвращайся в дом своего отца!"

Жена подождала, пока трапеза закончится, и муж заснет, убаюканный приличным количеством вина, и приказала слугам положить его на носилки и... отнести в дом ее родителей.

Посреди ночи муж проснулся и увидел, что находится в чужом доме. "Дорогая, где я нахожусь?" – спросил он жену.

"В доме моего отца", - спокойно сказала та.

"А... а что я тут делаю?" – не понял муж.

"Очень просто, - ответила жена, - ты ведь вчера сказал мне, что я могу взять с собой любую ценную вещь, так? Что поделаешь – нет для меня более ценной вещи, чем ты!"

Вернулись они к рабби Шимону бар Йохаю и рассказали ему, что произошло. Когда рабби Шимон увидел, какая любовь царит между

супругами, он встал и начал молиться Всевышнему за них, и Тот послал им ребенка.

Завершает Мидраш: «Отсюда мы учим, что стоит нам сделать вывод: если человек говорит другому человеку: "нет для меня ничего более ценного, чем ты" – и Всевышний вспоминает его и посылает спасение, так народ Израиля, который каждый день ждет Спасения и каждый день говорит: "Нет для нас ничего, более ценного, чем Ты, ведь Ты – Отец наш!", тем более будут спасены».

Тот, кто задумается над этой историей, увидит, что на самом деле это рабби Шимон бар Йохай добился для них спасения своей молитвой.

В письме автора "Хидушей а-Рим" рабби Хаиму из Цанза по поводу бездетной женщины, имеет ли право муж развестись с ней вопреки ее желанию, после алахических обсуждений он пишет, что, на самом деле, все они не нужны, поскольку рабби Хаим также обладает великими силами помолиться о том, чтобы она забеременела.

Тогда возникает другой вопрос: почему рабби Шимон послал их устроить прощальную трапезу, почему не помолился о них сразу?

РЕЭ

Кому чего не хватает?

В нашей главе сказано, что мы обязаны дать нищему "по мере его нужды, все, в чем он будет нуждаться". Комментирует Раши: "Даже конь, скакать на нем, и раба, бежать перед ним". О великом Иллеле рассказывают, что он помогал одному обедневшему богачу, и один раз добыл ему коня, а раба – не добыл. Так он сам бежал перед ним три мили!

Как Иллель, глава народа Израиля, наси, так пренебрег своей Торой и своей должностью? Ведь в Гемаре (Кидушин, 32б) есть мнение, что даже если сам наси прощает, что задел его честь – Свыше это не прощают! И ради чего он выполнил роль раба, не ради какого-то очень важного дела, а чтобы бежать перед конем, что являлось знаком почета и роскоши для богатых людей!

Мы вынуждены сделать вывод, что речь шла чуть ли не об угрозе жизни. Что тот человек мог заболеть от горя, если ему придется ехать на лошади без раба, который бы бежал перед ним.

Рассказывают, что однажды в Двинске собралась группа уважаемых евреев, чтобы обсудить общественные дела. Но для начала нужно было выбрать председателя. Один из них обратился к великому раву Меиру Симхе и

Ответ в том, что своим духом святого постижения он видел, что этой паре вынесен приговор бездетности, и никакая молитва, даже его, не в силах отменить этот приговор. Только одно средство оставалась: "Хорош крик человеку, как перед приговором, так и после него" (Рош а-Шана, 18а). Крик – это более сильный вид молитвы, чем обычная, "все сердцем вашим", молитва из глубины сердца. «Крик сильнее всего, поскольку крик исходит из сердца, как сказано (Эйха, 2:18): "Кричали (взывали) сердца их к Всевышнему"». Но как достичь такой глубокой молитвы?

Потому рабби Шимон и послал их устроить эту трапезу, чтобы она сказала: "Нет для меня более ценной вещи, чем ты!" Это настолько растрогает, так раскроет сердце, что молитва будет исходить из более глубокого уровня, и тогда она поможет.

Ну, если самому рабби Шимону бар Йохая приходилось искать средства раскрыть сердце для более глубокой молитвы, то нам тем более нужно стараться!

Перевод: г-жа Л. Шухман

Рав Яков ГАЛИНСКИЙ

предостерег, что он, мол, сердечник, и, если его не выберут председателем – у него может случиться сердечный приступ, и он умрет! "Скажи хоть бли недер (без обета)!" – ответил рав Меир Симха.

Раву Аврааму из Калиска рассказали об одном великом знатоке Торы, который всю неделю сидит над учебой и постится до кануна Шаббата. В пятницу он выходит из комнаты, чтобы окунуться в микву перед Шаббатом. Выйдя обратно, он садится отдохнуть на камень, лежащий рядом, и люди проходят перед ним, чтобы получить от него благословение. Услышав это, рав сказал: "Все его силы поститься всю неделю и учиться без перерыва происходят от того почета, который он получает в канун Шаббата". Услышав это, один человек решить "пошутить" и спрятал камень. Через неделю после этого тот знаток Торы умер!

Яркий пример сказанного в Мишне, что страсть к почету изымает человека из этого мира...

Вот и тому обедневшему богачу требовался, как воздух, почет – раб, чтобы бежал перед ним!

Я помню, как нас, учеников ешивы, жалели люди, у которых мы ели по дням. Они были б-гобоязненными евреями, но им трудно было

понять, как можно так напрямую выполнять сказанное в Мишне: "Хлеб с солью ешь, на земле спи, стесненно живи и трудись над Торой. Если ты поступаешь так – счастлив ты в этом мире, и хорошо тебе в Будущем мире". Их счастье заключалось в другом – в картошке с маслом и свежей буханке хлеба. Когда нас всех отправили в Сибирь, такие евреи не выдерживали, не могли они жить на голодном пайке, и умирали. А мы, ученики ешив, которым было привычно полу-голодное существование, выжили.

Я уже рассказывал, что пришлось как-то заниматься утешением скорбящих: один человек был вынужден продать машину. Сколько я пытался объяснить ему, что и без машины можно жить, что есть общественный транспорт, у которого тоже есть преимущества: не нужно сосредотачиваться на поездке, искать стоянку и заезжать на заправку и платить страховку. Конечно, с машиной более удобно, но можно и без нее. Что я вам скажу? Не принял он утешений. Машины нет – мир рухнул.

Расскажу вам по этому поводу о своем праведном тесте. Рав Хаим Биньямин Брод в самом прямом смысле жертвовал собой ради соблюдения Шаббата. При коммунистическом режиме у еврея было практически два варианта: или работать в Шаббат, или голодать. Он выбрал второй вариант, при полной поддержке моей праведной тещи.

И вот, что рассказал мне его сын, рав Йехезкель Брод: «Мы, действительно, голодали, но недалеко от нас жил другой еврей, Давид Гейсинский, который занимался нелегальной продажей мехов. Если бы его поймали, кто знает, какое тяжелое наказание бы он получил, но на тот момент – он очень хорошо зарабатывал и считался человеком состоятельным. Я дружил с его сыном, Бенционом. Однажды он пригласил меня в гости на третью трапезу. Что я скажу, никогда в жизни не видел такого

изобилия еды!

Молились мы, конечно, подпольно. Однажды после вечерней молитвы мы возвращались вместе, и Давид невзначай бросил, что в эту Субботу у них нет рыбы. Я его не жалел: хал там было вдоволь, мясо, салаты, компот... У нас же субботняя трапеза состояла из кусочка халы и крошечной рыбной котлетки. Мой отец поинтересовался: "Почему у вас нет рыбы?" Сосед рассказал, что его жена хотела купить на рынке большую рыбу, но другой человек перехватил ее. А мелкие рыбешки она не любит покупать, поскольку с ними нужно много возиться. Я улыбнулся. Мама покупала только такие рыбешки, потому что они стоили копейки. Всю ночь она возилась с этими рыбками, отделяя мясо от костей, потом перекручивала его на мясорубке и готовила крошечные котлетки. Подавали их с фасолью, и это была наша субботняя трапеза. Когда мы пришли домой, отец дал мне миску с котлетами и попросил отнести Гейсинским. Я вернулся, мы сделали кидуш и отец разрезал халу на прозрачные кусочки. Мама хотела было принести рыбу, но отец сказал ей, что послал котлетки соседям. Мама вздохнула: "Конечно, нужно помогать евреям. Но ведь там не нуждаются в нашей рыбе, у них и так всего полно!" А отец ответил: "Понимаешь, это не совсем так. Мы привыкли к нужде. Иногда есть, что кушать, иногда нет. Отсутствие рыбы не нанесет ущерб нашему Шаббату. А для них – без рыбы Шаббат не Шаббат, радости от субботней трапезы будет гораздо меньше".

Видите, можно выполнить заповедь цдаки даже с самым богатым человеком, если ему не хватает одной из составляющих счастья.

А ведь главная составляющая – это почет, уважение. Это "раб, который бежит перед ним". Если мы будем знать это – сможем дать ему то, в чем он нуждается.

Перевод: г-жа Л. Шухман

Шофтим

Рав Яков ГАЛИНСКИЙ

Моё!

Сказано в нашей главе, что перед выходом на войну охранники предупреждают евреев: "Если кто-то (из вас) построил новый дом и не обновил его, пусть идет и возвратится домой, ведь иначе он может погибнуть в бою, и другой человек обновит (его дом). Если кто-то насадил виноградник и еще не собрал урожай, пусть идет и возвратится домой, ведь иначе он может погибнуть в бою, и другой человек соберет

урожай. Если кто-то обручился с женщиной и еще не взял ее в жены, пусть идет и возвратится домой, ведь иначе он может погибнуть в бою, и другой человек возьмет ее в жены".

Это не очень понятно. Если человек погибнет на войне – какая уж ему разница, если кто-то другой поселится в его новом доме или соберет урожай с его виноградника. А по поводу его невесты – неужели он хотел бы, чтобы она осталась на всю

жизнь одна и не вышла замуж? Раши комментирует: "Речь идет о большом огорчении..." Что Раши имеет в виду? Есть много разных объяснений, а я расскажу вам, как мы это учили: если человек понимает, что умирает, не дай Б-г, он должен думать о раскаянии, должен спокойно расстаться с этим миром – расстаться с коридором, чтобы войти в зал. Как же ему плохо и горько, насколько он несчастен, если в этот момент его будут занимать мысли о доме, винограднике или невесте!

Подобно этому сказали наши мудрецы (Бемидбар, 20:3, Раши), что смерть от жажды – самая страшная из смертей. Почему? Потому, что вместо того, чтобы делать самоанализ и раскаяваться, стремиться к Творцу, человек думает только о капле воды.

Рассказал мне рав Шах, что в Слуцке был один еврей, страшный скупец, которого все жалели из-за его скупости. Рабейну Там в книге "Сефер а-Яшар" пишет, что скупость – это **выход** ко всем дурным качествам, и она искажает взгляд человека на все. Так вот, этот скупец всю жизнь носил лохмотья, ел объедки и так запустил свою квартиру и свое

здоровье, что тяжело заболел. Перед смертью он позвал *миньян*, чтобы был с ним в момент ухода души, и чтобы прочли с ним "Крият Шма". Рав Шах был одним из этих десяти евреев.

Из последних сил он сказал ответственному за похороны, что заранее приготовил себе саван и пакетик с землей Израиля. И все это лежит в сейфе. В том самом сейфе, в котором он на протяжении десятков лет копил всю свою выручку.

"А где ключ от сейфа?" – спросил тот еврей.

"У меня", – прошептал умирающий.

"Можно его получить?" – спросил он.

Старик с огромным трудом сунул руку в карман и достал ключ. Когда похоронщик протянул руку за ключом, умирающий возмущенно вскричал: "Но это мое!"

На слове "мое" он испустил дух.

Добавим одно замечание: как бы грустно и жалко не было человека, который в последнее мгновение своей жизни думает о своем имуществе, в тысячу раз более жаль человека, который думает об этом всю свою жизнь...

Перевод: г-жа Л. Шухман

Рав Шимшон Давид ПИНКУС

Человек Б-га или человек мира

"Будь простодушным с Г-сподом, Б-гом твоим" (18:13)

"Веди себя с Ним простодушно и ожидай Его, не старайся просчитать будущее, а лишь все, что придет тебе, принимай простодушно. Тогда ты будешь с Ним и с Его уделом". (Раши)

Раши дает нам здесь замечательный урок, который мы должны заново и заново повторять себе: если ты будешь уповать на Всевышнего, удостоишься обитать вместе с Ним под крылами Шхины.

Человек, уповающий на Творца, не тревожится за будущее, он не волнуется, как будет женить детей. Знай, что если ты достиг этого уровня – ты "с Ним и с Его уделом".

В литовских ешивах во времена Просвещения были ребята, погруженные в Тору, а были те, кто учили какую-то профессию, получали "общее образование", изучали дела этого мира. Самым большим ругательством было сказать о юноше, что он "человек мира". Где он? Он живет в большом мире! Учится и молится, выполняет заповеди, но где он находится, в каком мире все его интересы? Он – "человек мира".

Противоположностью этому был "человек Б-га" – который находится под крылами Шхины.

Как человек становится "человеком мира"? Когда не желает находиться под сенью Шхины. Почему? Потому, что не обладает упованием на Творца. А когда нет упования на Творца – человек выходит "в мир".

Есть те, кто обязательно должны знать все новости. Если у него самого нет газеты – он смотрит в газету соседа. А если и у соседа нет, он в полной растерянности. Его ощущение – когда у меня есть газета, я могу контролировать, что происходит в мире. Я знаю, что другие делают, что думают, что едят, как зарабатывают деньги. А если я войду в дом учения и останусь там, кто мне поможет? Творец мира? Один лишь Всевышний даст мне все, что нужно для существования?

Жить под сенью Шхины означает сесть за Гемару и остаться там. Ощущать всеми чувствами, что близость Творца достаточно, чтобы дать мне все, что необходимо, вырастить меня, и даже женить моих детей. У меня есть только Владыка мира! Я в хороших руках. Мне нет никакой нужды знать, что происходит снаружи. Ведь я "с Ним и с Его уделом"!

Перевод: г-жа Л. Шухман

Будущий мир

Рав Авигдор МИЛЛЕР

Душа (продолжение)

7. Что важнее, дела или мысли?

В книге «Кузари» рабби Йеуда а-Леви утверждает следующее: «избегай слушать слова поэтов, ибо если они внедрятся тебе в разум, уже не оставят его». **Всё, что попадает в голову, остаётся с вами навсегда.** Если вы слушали определённые песни, если читали аморальную литературу, если видели что-то нехорошее – нет никакой возможности стереть это из разума. Даже, если после этого вы станете большим праведником, большим главой ешивы, с длинной белой бородой до пола, то не сможете избавиться от того, что было вложено вам в разум. Разум, память сохраняет каждое впечатление навсегда. Вы можете забыть, что у вас в голове есть эта картина, но она сохранена. Вдруг, через шестьдесят лет вам приходит в голову то, что все эти годы было ниже поверхности.

У нас не просто подсознание, а многие слои подсознательного мышления, скрытые под другими слоями. Иногда что-то с нижнего уровня подскакивает наверх. Мысли можно затолкнуть глубоко в подвал, но где-то там внизу они всё равно сохраняются. И даже, если мы их уже никогда не вспомним, они существуют и **оказывают влияние**. Они воздействуют на вас.

Но не расстраивайтесь! Мы сейчас поговорим, что с этим делать и даже как можно вырасти благодаря этому. Но вначале мы поговорим о том, как предотвратить или минимизировать урон.

Так как разум, память впитывает в себя абсолютно всё, важно избегать вредных влияний. Для начала надо сторониться компании не тех людей. Даже мгновение в их обществе – это невосполнимая потеря. Человек может ляпнуть что-нибудь и это будет выжжено в вашем мозгу. Вы невольно впитаете это. Поэтому царь Шломо говорит: «уйди от встречи с глупцом» (Мишлей 14:7). Это опасно. А потом он утверждает это более настойчиво: «лучше встретить разъярённую медведицу, чем дурака с его глупостью» (17:12). Почему он подчеркивает, что речь

идет именно о медведице, а не о медведе? Я однажды просматривал справочник для бойскаутов. Там было сказано, что если вы в лесу увидели диких животных, не убегайте, удерживайте занимаемую позицию; если они увидят, что вы убегаете, то погонятся за вами. Но, предупреждает справочник, если это медведица с медвежатами, тогда надо убегать, так как это одно из самых опасных животных. Это относится к медведице с медвежатами. Мишлей же говорит о медведице, у которой только что забрали медвежат. Это ещё хуже. Встретиться с таким животным – это хуже всего. Она только и ищет, кого бы разорвать. В ярости, она ищет на кого бы наброситься.

Теперь давайте предположим, что вы идёте по Оушен Парквэй (центральная улица в Бруклине) и видите, что вам навстречу идёт разъярённая медведица, ищущая своих пропавших медвежат. Ох, как она расщипала! Вы попали в серьёзный переплет. Что делать? Залезть на столб! Вы никогда этого раньше не делали?! Вы не умеете?! Начинайте лезть, научитесь в процессе. Вы должны это быстренько освоить. Всё равно ничего не получается? Тогда развернитесь и бегите – быстро, быстро!

Конечно, все это можно было и не говорить вам. Но царь Шломо говорит: «лучше встретиться с этой лишенной своих детей медведицей, чем с человеком, у которого в голове дурацкие идеи». Предположим медведица приближается, а вы изо всех сил стараетесь залезть на столб. И вдруг на машине подъезжает ваш кузен Джо и предлагает вас подвести. «Нет!», говорит Мишлей. Это вовсе не спасение! Скажите кузену Джо: «спасибо, не надо», и продолжайте карабкаться на столб. Шломо говорит, что лучше рискнуть с встретиться с медведицей, сидя на столбе, чем проводить время с кузеном. Лучше иметь дело с медведицей! Да, это настоящий *хидуш*. Не думаю, что мы бы сами до этого додумались.

Я говорю «кузен Джо», но это может быть любой человек, который на вас плохо влияет. Если выбор между таким человеком и разъярённой медведицей, идите к медведице! Это потому, что дурак вложит вам в голову то, от

чего вам уже не избавиться. Держитесь от него подальше! Даже случайная встреча на пару мгновений – это безвозвратная потеря.

Вы мне ответите: «разве это возможно? За одну секунду он скажет что-то такое, что меня погубит? Рабби Миллер, вы преувеличиваете!» Нет, это не преувеличение. Наоборот, это далеко не всё. Поскольку таков разум. Разум настолько чувствителен, что если дурак скажет вам что-нибудь, вы должны знать, что это повредит вам навечно. Лучше вам рискнуть со столбом. Не говорите с кузеном Джо.

Конечно, вы должны спастись. Я не говорю, что нет. Схватитесь крепко за столб и продолжайте карабкаться. Но что бы вы ни делали, не давайте этому дураку раскрыть рот и влить вам в голову всякие глупости. Всё, что он скажет, будет влиять на вас вечно. Всё, что он впихнет вам в голову, останется там вовеки!

Это хорошо известно психологии: как только какое-либо впечатление попадает в голову, его уже невозможно стереть. Поэтому, следите очень внимательно за тем, что впускаете в свою голову, и что вкладываете в голову других. Открыть рот – это большая ответственность. Если вам нечего сказать, молчите. Поэтому, Шломо предупреждает нас, что лучше встретиться с разъярённой медведицей, чем с дураком. И это в прямом смысле.

И тому же самому нас учит «Кузари»: ваш разум – это драгоценное хранилище, вы должны охранять его более ревностно, чем любое другое имущество. «Больше всего береги разум свой, потому что из него возникают исходы жизни» (Мишлей 4:23). В списке вещей, которые требуется беречь, первая – это имущество. Тора запрещает нам невнимательно относиться к предметам, которые Всевышний даёт нам. Дальше. Даже больше, чем имущество, следует беречь своё здоровье. Надо вовремя ложиться спать. Надо вовремя есть. Надо дышать свежим воздухом, упражняться. Но, говорит царь Шломо, из всего, что надо беречь, самое главное – это беречь свою голову, свой разум.

Однажды, когда я был в ешиве, я посмотрел в окно. Напротив ешивы, на другой стороне улицы, был банк. Вдруг к нему подъехал бронированный автомобиль, из которого выскочили два человека. Один держал револьвер и смотрел во все стороны. Другой нес мешки – мешки, полные денег.

Я сделал себе заметку, как ревниво люди стерегут то, что им важно. Я подумал об этом. Кусочки металла, или может быть там были зелёные бумажки, так внимательно охраняются. Человек в форме стоял со своим пистолетом и смотрел во все стороны. Опасность таилась на каждом шагу; он широко открыл глаза, чтобы предупредить любое происшествие, чтобы ни в коем случае ничего не случилось с деньгами. Это надо было видеть!

И вот является царь Шломо и говорит: больше, чем вы охраняете свои деньги, больше, чем бережете свое здоровье, даже больше, чем бережете саму жизнь, – больше всего вы должны беречь свой разум.

Предположим, вместо килограмма мозгов вы бы таскали у себя в голове килограмм алмазов. Килограмм алмазов – вещь чрезвычайно ценная. Любой, кто поймал бы вас в темном переулке, смог бы, не дай Б-г, разломать вам голову и разбогатеть. С алмазами вы бы не ходили в одиночку! Это было бы чревато слишком большими потерями. Даже днем вы бы ходили с вооруженными телохранителями. Если бы вы знали, что ваша голова полна алмазов, вы бы её обязательно защитили. Но вам не повезло. Всё, что у вас там есть – это разум.

И вот является книга Мишлей и заявляет, что разум дороже алмазов! Не просто килограмм алмазов. Он дороже целого грузовика алмазов! И так вы должны его охранять. Уши должна охранять полиция. У каждого уха надо поставить вооруженного полицейского, который будет следить, чтобы ничего вредного не прокралось к вам в голову. А перед глазами должен быть ещё один вооруженный охранник. Потому, что вы должны охранять свои мысли больше, чем те охранники, которые защищают перевозку денег.

Мишлей объясняет, почему разум требует такой заботы и защиты: «из него исходы жизни» – поскольку всё зависит от разума; какой у вас разум – такая у вас будет жизнь. Под словом «жизнь» подразумевается и жизнь в этом мире, и в будущем. Всё счастье и весь успех, которых вы достигните в обоих мирах – всё из него, из разума. Ваш разум – это ваше достижение.

Разум – это самое важное достояние, так как всё проистекает из того, что у вас в голове. Все «исходы жизни», все итоги жизни, являются следствием впечатлений, со-

знательных и подсознательных, находящихся у вас в разуме. Все они обладают влиянием.

Человек – это его разум. Создание разума – это самая важная задача в жизни. Мысли имеют самое большое значение. Конечно, поступки важны. Конечно, характер важен. Конечно, добрые дела важны. Конечно, заповеди необходимы. Всё важно. Но, «больше всего, оберегай свой разум». Разум – это первостепенное. Все хорошие поступки, заповеди, качества характера, абсолютно всё, проистекает из установок разума.

Если человека выращивают на комиксах и фильмах, у него в голове укореняется идея, что заехать кому-нибудь в челюсть – это самый благородный поступок. Он ничего не может с этим сделать. Все американские комиксы этим кончаются. Герой торжественно бьёт злодея в челюсть. И то же самое в фильмах. Таким образом, если удар в челюсть изображен как героизм, для людей, которым в голову постоянно вбиваются эти впечатления, очень легко дать кому-нибудь в челюсть.

Как счастлив человек, который никогда не смотрел фильмы, который никогда не читал комиксы, который все свои впечатления получил только из святых *сфорим* – книг!

Но что же делать сегодня людям, которые уже были подвержены отрицательным впечатлениям и заражены ими? Ответ: есть возможность покрыть эти ранние впечатления очень толстым слоем впечатлений от Торы. И это наша задача сейчас. Это наша работа сегодня. Мы можем создать себе разум Торы. В этом миссия еврея – создать разум Торы. Из всего, что от нас ожидается, мы должны в первую очередь понимать, оценивать, восхищаться, и тратить время на погружение в идеализм истинных ценностей Торы. Таким образом можно создать разум Торы.

Продолжение следует.

Перевод: рав Б. Набутовский

Благодарим рава Цви Патласа и издательство "Пардес" за предоставленные материалы

Заслуга Торы вернет нам Храм

Рав Лейб Нахман ЗЛОТНИК

Молитва, которую еврейский народ молится три раза в день, завершается следующей просьбой: «Да будет Тебе угодно, Г-сподь Б-г наш и Б-г отцов наших, чтобы был выстроен Храм вскорости, в наши дни и дай удел наш в Торе Твоей». Из этого текста явно следует, что существует неразрывная связь между Храмом и Торой. Постигание глубин Торы, которое возможно во время существования Храма, несравненно с постижением после его разрушения. Пророк плачет об этом: «Царица и князья ее в народах (рассеяны), нет Торы» (Эйха 2:9). Связь эта очень понятна. Человек грешит только, если в его сердце отсутствует мудрость Торы («Яд а-хазака», «Илхот исурэй бия», 22:21). Отказ от Торы ведет к отупению сердца, отупение – к греху, а перевешивание чаши грехов – к разрушению Храма.

Наши учителя («Торат а-Ола». Приведено в книге «Лев Элияу», Берешит, стр. 263) рассказывают, что, когда пророк Йермияу вернулся в Иерусалим и увидел руины Храма, он пал на них и зашелся горьким плачем. Как раз в

этот момент мимо шел греческий философ Платон. Он обратился к Йермияу в недоумении: «Про тебя говорят, что ты очень мудр, почему же ты плачешь о разрушении камней и палок?». В ответ Йермияу сказал: «О тебе говорят, что ты великий философ. Есть ли у тебя столь сложные вопросы, на которые ты не сумел до сих пор отыскать ответа?». Платон ответил, что нерешенных вопросов масса, но он уверен, что на земле нет такого человека, который мог бы на них дать ответ. Пророк сказал: «Задай все свои вопросы, и я на них отвечу». Так и произошло: Йермияу дал ответы на все сложнейшие вопросы, заданные Платоном. Философ был безмерно поражен великой мудростью собеседника. Йермияу сказал ему, что источником этой мудрости являются эти камни и палки и об этом плачь его.

Мудрецы Талмуда («Йома», 9б) выясняют причины, приведшие к разрушению Храма. В одном месте (там же) они говорят, что Храм был разрушен вследствие нарушения трех самых строгих запретов: идолопоклонства, разврата

и кровопролития. В другом месте («Недарим», 81а) сказано, что Храм был разрушен из-за того, что не произносили благословение на изучение Торы. Видные комментаторы (Ран от имени рабэйну Йона, «Недарим», там же) пишут, что на самом деле это тот же самый ответ. То, что не благословляли на изучение Торы, свидетельствует о том, что Тора не была значима в их глазах. А когда человек не ценит Тору, она не может уберечь его от греха.

Сказал рабби Йеуда: «Иерусалим был разрушен потому, что пренебрегали в нем мудрецами Торы» («Шаббат», 119б). А ведь мудрецы Торы – это часть Торы. Сказал Рова: «Насколько неумны те, кто перед Торой встает, а перед мудрецами Торы не встает» («Макот», 22б). Поскольку люди пренебрегали Торой и ее мудрецами, оживляющая сила Торы («Кидушин», 30б) перестала на них действовать, и они оказались незащищенными перед соблазнами дурного начала («Сота», 21а). Тора, когда ее недостаточно ценят, из живой воды превращается в смертельный яд («Йома», 72б) и до краха путь совсем короткий.

Подобно тому, как разрушение Храма связано с ослаблением в изучении Торы, так и восстановление Храма возможно только благодаря усилению в изучении Торы. Очищаясь светом Торы, человек отказывается от греха, освящает себя и весь мир и способствует тому, чтобы Творец вновь возжелал присутствовать в среде своего народа, чтобы дворец славы Его был отстроен и в нем велось служение, как в дни прежние, во времена прошлые. В молитве *Нэила*, которая является кульминацией нашего сближения с Творцом и прощения грехов в Йом Кипур, мы произносим: «Город Святой и его окрестности преданы позору и разграблению. Вся красота его утоплена и похоронена, и не осталось ничего, кроме Торы». В Талмуде («Брахот», 8а) сказано, что с того дня, как был разрушен Храм, нет у Всевышнего ничего, кроме Торы. Тора — это тот осколок Храма, из которого, если постараться, можно общими силами возродить Храм во всем его великолепии.

В Мидраше («Питха зутрати», «Ваэтханан») сказано, что окончательное избавление наступит в заслугу изучения Торы. Наши учителя (Агро) говорят, что в конце дней Сатан (он же – змей-искуситель, спровоцировавший грех Первого человека, он же – наше дурное начало и он же ангел смерти),

особо ревностно будет сражаться за то, чтобы помешать изучению Торы. Ведь ему особо важно не допустить столь желанное избавление, когда слава Создателя откроется в нашем мире во всем своем величии и все творения объединятся в служении Всевышнему. Зло будет искоренено, а его основной источник, которым является он сам, Сатан, будет уничтожен.

В Торе рассказывается о борьбе нашего праотца Якова с ангелом Эсава, он же Сатан. Победить Якова, который является столпом Торы, Сатану не удалось, но он смог повредить его бедро. Наши учителя («Маор вэ-Шэмеш», «Ваишлах») на основании сказанного в книге «Зоар» (ч.1, 171а) объясняют, что победить Якова означало прервать изучение Торы, что для Сатана является самой главной задачей, выполнить которую ему не удалось. Однако повредить Якову бедро, что символизирует удар по материальной поддержке изучения Торы, он смог.

О событиях, послуживших причиной разрушения Храма и изгнания еврейского народа из Святой Земли, сказано: «Как потускнело золото, изменилось отменное золото! Разбросаны камни святые по углам всех улиц» (Эйха 4:1). Наши учителя («Эц При») объясняют, что пророк говорит о том, что всенародная трагедия была вызвана тем, что «святые камни» – это те, кто всецело посвятили себя изучению Торы, «разбросаны по углам всех улиц» – были вынуждены прервать учебу, чтобы добывать пропитание. Заслуги Торы, которые являются непременным условием для нахождения еврейского народа в Святой Земле и существования Храма, изучающие Тору устаиваются в результате того, что они полностью посвящают себя изучению Торы, а другие – в результате того, что они поддерживают изучение Торы. Когда те, кто поддерживал изучение Торы, под влиянием Сатана решили прервать эту миссию, изучающие Тору были вынуждены выйти из Домов Учения в поисках пропитания. В результате, народ, потерявший заслуги изучения Торы, был изгнан со своей Земли. Те, кто не пожелали часть своих средств посвятить на изучение Торы, лишились всего и превратились в нищих рабов. Все их богатства, включая и ту малую их часть, которую они хотели сэкономить за счет поддержки изучения Торы, были полностью

разграблены вавилонскими полчищами.

Таким образом, чтобы вернуть нам наше прежнее величие, уверенное пребывание на Святой Земле, приношение жертв и воскурение благовоний в отстроенном Храме, те, кто могут посвятить себя изучению Торы, должны усилиться в этом и идти на самопожертвование во имя этого, а остальные

обязаны приложить все усилия для поддержки тех, кто изучает Тору. И об этом сказано в фрагменте из книги пророка, который установлено читать в дни общественных постов: «И дам Я им в доме Моем и в стенах Моих память и имя, (которые) лучше сыновей и дочерей, имя вечное дам им, которое не истребится» (Йешаяу 56:5).

Бейт Элоким

Рабби Моше бен Йосеф из Терани (А-МАБИТ)

Раздел «Тфила»

Глава 16. Часть 3

Я заметил, что относительно мора среди людей, как простых, так и ученых – особенно среди тех, кто изучает природу, распространено мнение, что мор связан с порчей воздуха в определенном месте по известным причинам; этот воздух смешивается с тем, что вдыхает человек, и вредит ему. И это приписывают природному порядку вещей, видя, что те, кто убегает от эпидемии, спасаются, а оставшиеся в испорченной атмосфере подвергаются опасности. Поэтому я решил написать, что я думаю по этому поводу.

А скажу я вот что: это незыблемая истина, что все, происходящее с человеком – как с обществом в целом, так и с отдельными людьми, – происходит от Всевышнего, да будет Он благословен. Особенно это касается смерти – приговор о ней выносится для всех в Рош а-шана, который является Днем Суда, и в этот день человек записывается (а запись скрепляется печатью) либо на жизнь, либо на смерть. И если ему предначертана смерть, его попытки скрыться и убежать в День Б-жьего гнева не помогут. Но если ему не было предначертано умереть, а он пребывает в опасном месте, возможно, он попадетсЯ и подвергнется опасности *[вместе с теми, для кого эта опасность уже является приговором]*.

Когда некоему городу выносится приговор, согласно которому в этом году там случится мор и умрут люди, количество и имена которых определены, происходит это так: обо всех, кого настигла эта беда и они умерли во время мора, даже если они бежали от него, было утверждено еще в Рош

а-шана, что они погибнут. Но есть различие между ними. Одним неизбежно положено наказание смертью, независимо от того, останутся они в этом месте или убегут. А другие заслуживают этого наказания, если останутся в том месте, но если убегут, то спасутся. Их страдания *[испытываемые ими из-за того, что приходится покидать дом и скитаться в чужих краях]* засчитываются им как изгнание, и они спасаются в этот час.

А Всевышний знает заранее, что выберет каждый человек – оставаться ему в том городе или убежать. И когда Он предвидит, что тот выберет оставаться в опасном месте, он утверждает его смертный приговор. А если видит, что человек выберет бегство – о нем принимается решение, что он останется жить. Если его пути прямые, праведны, то Всевышний направляет его сердце, указывая ему место, куда бежать. Также есть такие, которые на тот момент не заслуживают наказания, но сами рискуют, оставаясь в опасном месте, но при этом они недостойны чуда. Поэтому, оставшись в этом городе, они заражаются болезнью. Если, согласно своей природе, они предрасположены к опасности из-за этой болезни, они подвергаются ей. Всевышний знает их выбор и приговаривает их к смерти, если они выбирают оставаться в опасном месте, имея предрасположенность к этому заболеванию. Если же их природа не предрасположена к нему, они не пострадают.

Почему возникает эпидемия

Общая суть такого явления, как мор – это провидение Всевышнего, да будет Он благословен, Который создает новое на земле. Это порча, распространенная в воздухе, которая готова захватить тех, кому был вынесен

смертный приговор. Также она наказывает мучениями некоторых людей, которым не был вынесен смертный приговор, заставляя их страдать и мучиться от этой болезни. Всевышний направляет происходящее так, чтобы это казалось природным процессом. Например, те, кто бегут, но не спасаются от заражения, *[это происходит потому, что]* Он расслабляет их сердце – они теряют бдительность и не принимают природные меры предосторожности против заразной болезни. Тем же, кому предначертано остаться в живых, Всевышний указывает путь к побегу, так что они не только не умирают от этой болезни, но даже не страдают от нее – их бегство становится их искуплением. Некоторым же определенно предначертано жить – с ними ничего не случится, они даже не заболеют, при том, что остаются на месте.

Человек, который боится заболеть, должен опасаться, что он может быть из тех, кому вынесен приговор, если они останутся, или из тех, кто сам рискует, оставаясь в опасном месте. Поэтому люди уходят в свои комнаты или бегут, спасаясь от эпидемии, как мы видели в первых поколениях. Так написал пророк (Йешаяу, 26): «Иди, народ Мой, войди в свои комнаты...», и еще сказано (Йирмеяу, 9): «Смерть поднялась в наши окна...». В главе «А-конес» (Бава кама, 60б) сказано: «Рава во время гнева Всевышнего закрывал свои окна, как сказано: "Смерть поднялась в наши окна..."». И также сказали мудрецы (там же): «Когда мор в городе, человек не должен ходить по середине дороги, ибо ангел смерти ходит по середине дорог. Когда ему дается разрешение, он идет открыто».

Суть ангела смерти заключается в том, что он назначен забирать души и приводить их к Всевышнему, чтобы они давали перед Ним отчет [обо всем, что делали в жизни]. Задача ангела состоит только в том, чтобы забрать душу в момент ее отделения от тела, что происходит из-за болезни, которая распространяется вследствие порчи воздуха, созданной Всевышним в нужное время. И хотя ученые, изучающие природу, говорят, что порча воздуха происходит естественным образом, Всевышний мог бы спасти Своих служителей, Свой народ от ее последствий, но грехи поколения становятся причиной для вынесения смертного приговора тем, кому это предопределено, как мы писали выше.

Как противостоять эпидемии

Следует бояться и трепетать перед словом Б-га, и стараться потушить тлеющие угли эпидемии *цдакой* [милостыней], которая спасает от смерти, раскаянием (самоисправлением) и добрыми делами. Когда же волна эпидемии спадет, человек должен задуматься: возможно, он был из тех, кому был вынесен смертный приговор, если бы он не бежал из города, и его изгнание и скитания заменили смерть. А во время мора он должен опасаться, что он из тех, кому вынесен смертный приговор, даже если он убежит или спрячется. Поэтому ему следует усиленно молиться, давать *цдаку* и молить Всевышнего [о спасении] через *тшуву* и добрые дела.

Также следует ежедневно читать отрывок, говорящий о составе воскурений утром и днем, потому что он помогает, когда случается мор. Как мы находим в рассказе мудрецов (Шабат, 89а): когда Моше поднялся на небеса, каждый ангел дал ему что-то, как сказано: «Ты поднялся на высоты, взял добычу, принял дары среди людей», и даже ангел смерти дал ему кое-что, как сказано (Бемидбар 17:12): «И возложил он воскурение и искупил народ...». Ведь если бы ангел смерти не передал это [знание] ему, как бы он узнал? И поскольку воскурение искупает народ во время мора, чтение отрывка, связанного с ним, также может помочь, как сказано (Ошеа, 14): «И вместо быков будут уста наши» *[из этого стиха учат, что наши молитвы принимаются на Небесах вместо жертвоприношений, здесь сказано, что не только молитвы, но и изучение соответствующих областей Торы]*.

Намек на это содержится в составе воскурений, куда входит *хелбана* – ее смешивают с другими десятью благовониями, несмотря на то что у нее неприятный запах, а у других благовоний запах хороший. Естественное свойство их аромата – улучшать неприятный запах *хелбаны*, пока ее запах не становится таким же приятным, как у остальных благовоний. Это символизирует ангела смерти, который подобен *хелбане*. Он *[ведь ангел смерти – он же дурное начало]* соединяется с общиной, в которой есть святость, чтобы вредить ей. Но если люди добры и праведны в своих сердцах и делают полную *тшуву*, ангел смерти не может властвовать над ними. Напротив, они начинают повелевать им, так

что злой ангел вынужденно отвечает: «Амен», подобно *хелбане*, не способной испортить воздух своим запахом, будучи смешанной с остальными десятью благовониями воскурения. Поэтому человеку следует стараться молиться в *миньяне* (с общиной), и он будет вознагражден за это, ведь люди, собранные вместе, больше защищены от мора, так как ангел смерти среди десяти праведников Израиля подобен *хелбане* среди благовоний воскурения, когда ее дурной запах не ощущается, как упоминалось выше.

Чтобы донести до нас важность воскурения, оно упоминается в Торе в главе «Ки Тиса» вместе с описанием Мишкана, и размещен этот отрывок рядом с разделом, говорящим о шекелях, чтобы показать, что воскурение поддерживает и сохраняет. Как шекели искупают во время переписи населения, чтобы не было мора, так и воскурение. Если же были неосторожны и начинается мор, не дай Б-г, воскурение останавливает его.

Почему воскурение не использовали в истории с Пинхасом? Потому что Всевышний уже указал, что требуется сделать в данном случае, чтобы Его ярость утихла: нужно было наказать виновных. Также и мор во времена Давида начался по слову пророка, и нельзя было действовать никак иначе, кроме как следуя указаниям Всевышнего. Но поскольку мы находим, что эпидемия была остановлена воскурением, сделанным Аароном, это указывает на то, что это был дар, врученный Моше на небесах.

Возможно, что во времена Храма, когда случалась эпидемия, первосвященник воскурал благовония, чтобы искупить сынов Израиля, помимо ежедневного курения благовоний утром и вечером. И не входил (в Святилище) просто так, а только ради народа Израиля.

Еще способ справиться с эпидемией

Когда же царь Давид установил сто благословений в день, так как ему сказали, что каждый день умирает сто человек, и это было похоже на эпидемию, он не установил курение благовоний, потому что видел, что число умерших строго ограничено – ровно сто в день, ни больше, ни меньше. Он решил, что это не случайность, а [знак Свыше], и

поэтому постановил произносить сто благословений в день, основываясь на подсказке из Торы, где сказано: «Что Г-сподь, твой Б-г, требует от тебя?» [Можно толковать это так:] Читай это не как *ма* (что), а как *мэа* (сто)». [*Намек на это можно усмотреть*] и в Пророках (Шмуэль II, 23:1), где сказано: «Слово мужа, установленного на высоте» [*то есть Давида, избранного быть царем над Израилем; толкование имеет в виду выражение «на высоте», в оригинале записанное словом לו, гематрия которого равна 100*]; и в Писаниях (Теилим, 128:4): «Вот так будет благословлен муж, боящийся Г-спода» [*слово «так» в оригинале записано словами יְכַיֵּי, суммарная гематрия которых также равна 100*].

Однако несомненно, что даже чтение текста о воскурении помогает во времена эпидемии, как было упомянуто. Также принято трижды читать стих: «И сказал им Израиль, отец их...» сразу после отрывка о воскурении, чтобы намекнуть на Имя Всевышнего, состоящее из 72 букв, а также поскольку в этом стихе упоминается «немного *цори* (целебной смолы)», которая является первым из благовоний воскурения. Затем читают три стиха, которые помогают при любом бедствии: «Г-сподь Воинств с нами» (Теилим, 46:8), «Г-сподь Воинств, счастливая доля человека, который полагается на Тебя» (там же, 84:13) и «Г-сподь, спаси нас» (там же, 20:10), и каждый из них является окончанием одного из трех особых псалмов, предназначенных для молитвы. В Иерусалимском Талмуде (Брахот, глава «Эйн омдим») сказано: «Рабби Хизкия сказал от имени рабби Йоханана: пусть этот стих всегда будет на твоих устах: "Г-сподь Воинств с нами"». Рабби Йосе сказал от имени рабби Йоханана и его товарищей: "Г-сподь Воинств, счастливая доля человека, который полагается на Тебя"». И поскольку «Г-сподь, спаси нас» является концом одного из таких же псалмов, а именно псалма «Ответит тебе Г-сподь в день бедствия» (Теилим, 20), который применим к любой беде, мы также читаем и его, хотя он и не упоминается в Иерусалимском Талмуде. И в количестве их слов есть намек для знающих сокровенное.

Перевод – О. Климовский

Преподавание Торы

Рабби Яков ХЭМБУРГЕР

Из книги «Rav Avigdor Miller – His Life and His Revolution» (продолжение)

Вдохновляющие истории

Сохранилось множество историй о людях, посещавших эти уроки, и о том, какое неизгладимое влияние они оказали на их жизни. Вот лишь несколько примеров, иллюстрирующих далеко идущие результаты этих уроков (имена изменены).

Г-н Коэн начал посещать уроки для начинающих в возрасте шестидесяти пяти лет. Он был молочником и после выхода на пенсию он с полной отдачей посвятил себя учебе. Когда он впервые присоединился к занятиям, он умел лишь читать молитвенник, но благодаря огромным усилиям продолжал прогрессировать. Когда его экзаменовали по главе «а-Мафкид», рав был так рад, что выпил с ним вина.

Г-н Коэн корпел над своим огромным Талмудом, заполняя поля заметками на английском языке. Он снова и снова громко повторял Талмуд, вкладывая в учебу все сердце и душу. Это было вдохновляющее зрелище, которое воодушевляло всех, от мала до велика.

Он прожил до девяноста четырех лет и до самой смерти не прекращал учиться. «На примере мистера Коэна мы видим, что нельзя отказываться ни от одного человека, даже от того, кто уже в преклонном возрасте», – говорил рав Миллер.

Г-н Москович был единственным соблюдающим офицером полиции Нью-Йорка (и, скорее всего, во всем США) в то время. Он учился в ортодоксальной школе только до второго класса. Его родители уже отправили его старшего брата в частную школу и не могли позволить себе платить за ещё одного ребенка. Поэтому г-н Москович пошел в обычную государственную школу.

За годы службы у него появлялось немало возможностей продвинуться по званию, но он от всего отказывался, так как это противоречило соблюдению Шаббата.

Его дочь вспоминала, что в 5716 (1956) году он пришел в синагогу и сказал раву Миллеру, что не может читать на иврите без огласовок. Рав начал с ним заниматься и в итоге тот присоединился к «уроку для начинающих». С годами он достиг больших

успехов – он изучил весь Талмуд и знал его!

Г-н Исааксон также был в числе первых членов общины, присоединившихся к уроку по Талмуду. Как и многие другие участники, он служил в вооруженных силах Соединенных Штатов во время Второй мировой войны.

Через несколько лет после начала занятий он настолько загорелся учебой, что взял годовой отпуск и посвятил все время учебе. Утром он посещал урок рава, а затем ехал в ешиву Мир и учился там до вечера.

В течение этого года он также сблизился со многими мудрецами Торы. В конце того года он внезапно скончался как истинный Бен Тора. Все его дети посвятили свои дни изучению Торы.

Рав Курц много лет назад начал соблюдать заповеди, но никогда не имел возможности изучать Талмуд. Однажды он пришел в ешиву Нецах Исраэль и услышал там лекцию рава Миллера, которая оказала на него огромное влияние. Он вспоминал, как рав страстно говорил о Холокосте.

Рав Курц (который в то время не был раввином, но носил длинную бороду и выглядел как набожный еврей) работал санитаром в больнице. Вскоре после того, как он посетил тот урок, раву Миллеру сделали небольшую процедуру в больнице, где работал рав Курц. Той ночью, совершая обход, рав Курц проходил мимо кровати рава Миллера и заметил, что жидкость в капельнице закончилась. Он сам все исправил.

Пока рав Курц был в палате, рав Миллер внезапно проснулся и увидел, что над ним стоит длиннородый еврей и ухаживает за ним. «Милость Всевышнего, милость Всевышнего! – воскликнул рав Миллер. – Ангелы меня охраняют!»

Затем он снова заснул.

На следующий день рав Курц встретил жену рава и рассказал ей о случившемся ночью. Впоследствии между равом Миллером и равом Курцем сложилась крепкая дружба. С 1973 по 1976 год рав Курц посещал все уроки Талмуда рава Миллера и каждый Шаббат приходил пешком из района Краун-Хайтс. Он старался прибывать в Ист-Флэтбуш заранее, чтобы со-

проводить рава Миллера по дороге в синагогу.

Рав Курц в итоге изучил около 700 листов Талмуда с равом Миллером и многократно повторил каждый из них. Рав Миллер написал ему своего рода рекомендацию, заявив: «Рав Курц честен и обладает правильными взглядами. Он достоин быть равом и наставником для любой общины, ищущей рава-идеалиста».

Вскоре после этого рав Курц потерял работу в больнице, но нашёл работу в сфере образования в другом городе. Он всегда поддерживал связь с равом Миллером, часто звонил ему, чтобы проконсультироваться о том, как справляться с трудностями на новом месте.

Были и те, кто не мог достаточно продвигаться в Талмуде, но настолько вдохновился атмосферой обучения в синагоге, что посвятил свою жизнь учёбе. Например, мистер Купер проводил дни и вечера в синагоге, усердно изучая строку за строкой Мишну. Он обращался к любому, кто оказывался рядом, говоря: «Только строчку!», призывая человека выучить или повторить с ним хотя бы одну строчку из Мишны. Его радость, когда он заканчивал главу – а тем более, трактат Мишны, – была непередаваемой. Его лицо сияло, и он делился этой новостью со всеми. Его пожилая жена целыми днями сидела на ступеньках синагоги, ожидая его и с гордостью участвуя в его занятиях.

От "мистера Сэма" к "раву Шмуэлю"

Особо следует упомянуть одного члена синагоги, который полностью преобразился. Однажды рав Миллер объявил, что тому, кто выдержит экзамен по 500 листам, будет присвоено звание «рав». Среди тех, кто энергично взялся за дело, был мистер Сэм Шапиро. Члены общины живо помнят тот день, когда рав Миллер с гордостью объявил: «С этого Шаббата мистер Шапиро – рав Шмуэль Шапиро, поскольку он освоил 500 листов!»

В 1967 году миссис Шапиро и миссис Бек запланировали поездку в Эрец Исраэль. За три недели до отъезда началась война, и Государственный департамент США приостановил все поездки в этот регион. Война длилась шесть дней и вскоре после этого Государственный департамент разрешил возобновить поездки в Израиль. Поскольку многие отменили свои билеты, мистеру Шапиро предложили присоединиться к группе и стать одним из первых, кто посетит Котель, впервые открывшийся после стольких лет. Он решил спросить рава

Миллера, уместно ли ему ехать, учитывая, что он пропустит много уроков.

Рав немного подумал и сказал: «Мистер. Шапиро, Талмуд – твоя Западная стена. Уважай свое учение. Это принесет тебе больше пользы».

Позже рав Шапиро рассказывал: «Я остался, а через несколько дней моя жена и миссис Бек прикоснулись к камням Западной стены, а я внимал словам Талмуда».

«До сегодняшнего дня в Йом Кипур, – рассказывал реб Шмуэль, – я все еще упрекаю себя за то, что недостаточно хорошо знаю Талмуд».

Когда раву Шапиро исполнилось шестьдесят пять лет, он задумался о выходе на пенсию, чтобы посвятить все дни изучению Торы в синагоге. Рав Миллер настоял, чтобы он обсудил это со своей женой. Рав Шапиро поделился своей мечтой с женой, объяснив, что им придется жить на одну лишь пенсию, отказаться от машины и других излишеств. Миссис Шапиро полностью поддержала его.

С тех пор и до девяноста двух лет рав Шапиро целыми днями учился в синагоге и заботился о ее нуждах. Он стал настоящим знатоком Торы, выучив весь Талмуд и множество других книг.

Уникальный преподаватель

Всё началось с тринадцати новичков, впервые приступивших к изучению Талмуда. Через несколько лет синагога рава Миллера во Флэтбуше превратилась в центр оживленного изучения Торы с разнообразными уроками, программами повторения и высокообразованной общиной. Рав успешно осуществил фундаментальную трансформацию в синагоге: вместо того, чтобы быть просто равом для прихожан, он стал ребе, преподавателем и наставником изучающих Тору.

И хотя многие из этих «учеников» были примерно одного возраста с равом, а также состоявшимися профессионалами, они без колебаний следовали его наставлениям. Напротив, они с готовностью принимали роль учеников перед своим учителем и были тронуты тем, что у этого выдающегося знатока Торы было безграничное терпение, чтобы отвечать на их вопросы и обучать их на доступном им уровне.

Хотя рав Миллер был хорошо знаком со всеми трактатами, которые преподавал, он считал важным готовиться к каждому уроку, чтобы ясно и четко излагать материал. Шаббат и определенное время в течение недели посвя-

щались подготовке к еженедельным занятиям.

Он говорил внуку, что много работал над тем, чтобы представить Талмуд как можно более простым для понимания. Он добавил: «Если я не подготовлюсь, это будет заметно, потому что они запутаются».

Во время урока рав не читал все комментарии Раши. Новый человек, уже опытный знаток Торы, заметил, что в одном месте рав не объяснил Талмуд в соответствии с общепринятым пониманием. Он прошептал это соседу. Рав Миллер понял, что тот говорит, и просто ответил: «Я знаю». Позже этот человек понял, что рав объяснял Талмуд в соответствии с пониманием Рамбама. Тем не менее, он не понимал, почему он так поступил. Спустя некоторое время, изучая другую главу в том же трактате, этот человек обнаружил, что Тосафот задают очень сложный вопрос к Раши. Тогда он понял, что рав выбрал самое простое объяснение отрывка, чтобы не запутать слушателей. Он считал, что самое важное – это ясность в понимании Талмуда.

Серьезные знатоки Торы часто брали и слушали записи его уроков. Хотя рав объяснял ясно и простыми словами, в них заключался ключ к пониманию многих трудностей текста. В его объяснения входили ответы на сложные вопросы, которые, как он предполагал, могут возникнуть у учеников.

Он постоянно искал способы заинтересовать слушателей. Закончив один трактат, он с воодушевлением объявил, что на следующей неделе они приступают к трактату Менахот. Однако в тот вечер пришло всего около пятнадцати человек. Многих учеников отпугивала перспектива изучения такого сложного трактата. В следующий Шаббат он сказал: «Моше Рабейну преподавал это в пустыне, а вы хотите отказаться?» Мы начнем сначала, и приглашаем всех присоединиться.

На следующей неделе пришло около шестидесяти человек.

Когда они изучали трактат Нида, он попросил всех принести книгу «Хахмат Адам» и подробно разбирал с ними законы ритуальной чистоты женщин. Когда они изучали трактат Эрувин, он приносил доску и мел и рисовал схемы везде, где это было необходимо для понимания.

В 5747 (1987) году, после завершения трактата Орайот, последнего трактата, изученного ими в «путешествии по Талмуду», рав Миллер устроил праздник по случаю завершения всего

Талмуда вместе со многими членами своей синагоги и участниками уроков на ежегодном синагогальном ужине. Это «путешествие» заняло у них семнадцать лет. В качестве подарка участники купили ему комплект всего Талмуда в кожаном переплете. В конце праздничной трапезы рав объявил: «Завтра мы снова отправляемся в путешествие по Талмуду!»

Рав Миллер часто хвалил общину, постоянно повторяя, что они – «община, стремящаяся к знаниям». Он осыпал их комплиментами и отмечал, что люди учатся допоздна в пятницу вечером, в будние вечера и целыми днями в Шаббат.

Он также оказывал почести участникам своих занятий, объявляя время их учебы. Эти объявления были неотъемлемой частью его утренних речей в Шаббат. Руководитель учебной группы выкрикивал время и тему занятия, а Рав с энтузиазмом повторял сказанное, иногда добавляя слова поддержки или похвалы. «Рав Шапиро, 15:30, третья глава Бава кама! 17:00, вторая глава Бейца!» Он объявлял так о каждой учебной группе, и его воодушевление нарастало по мере увеличения списка. Он оказывал честь всем, кто приходил учиться в долгие дни Шаббата, называя их «учебной группой». Этот термин придавал значимость и вызывал чувство гордости у участников. Обычно они учились большими группами, но это не было обязательным условием для получения этого звания. Некоторые приходили учиться в парах или даже в одиночку, и их также удостаивали объявления.

Эти объявления были настолько важны для учебной программы, что он никогда их не пропускал. Даже в Шаббат, когда у него не было времени на обычную лекцию о недельной главе, он всё равно объявлял об учебных группах. Он продолжал эту практику до конца жизни, демонстрируя искреннюю гордость за успехи общины в изучении Торы.

Рав Миллер установил тесные отношения с посещавшими уроки, уделял им особое внимание и особенно сблизился с теми, кто прилагал максимум усилий к изучению Торы. Он всегда был готов ответить на вопросы своих учеников, даже в непредназначенное для этого время. В будние дни он общался с участниками уроков более неформально, чем с остальными. Однако в Шаббат он вел себя более официально даже с постоянными слушателями.

Перевод: рав Б. Набутовский

Рав Хаим Озер Гродзенский На сломе эпох

В своем эспеде (траурной речи) по Хафец Хаиму рав Эльханан Вассерман цитировал эспед рава Яакова Кранца (Магида из Дубно) по Виленскому Гаону: «Долгая история нашего народа представляет собой цепочку сменяющих друг друга эпох – эпоха Танаев, эпоха Амораев и т. д. Как определить, когда заканчивается одна эпоха и начинается следующая? Всевышний посылает человека, который настолько велик в Торе, что освещает весь мир своими знаниями и мудростью. Мы понимаем, что этот человек – не из нашего поколения, он по праву принадлежит прошлым поколениям. Когда он уходит – тьма и пустота наполняют мир, и мы видим стремительное падение духовного уровня всего поколения. Это и есть сигнал с Небес о том, что эпоха закончилась...»

Сложно представить себе более страшное время, чем 5699-5700 (1939-1940) годы. Два страшных тирана (да сотрутся их имена!) ввергли весь мир в пучину кровопролития. СССР и нацистская Германия, две человеко-ненавистнические политические системы, заключили временный союз и сообща начали делить мир.

Для еврейства Польши и Литвы наступили черные дни – кольцо стремительно сжималось. На что надеяться? Польское государство не смогло сопротивляться агрессии. В Литве не было шансов даже на то небольшое сопротивление, которое оказала польская армия.

Но не только эта политическая обстановка была свидетельством надвигающейся страшной трагедии. Смерть величайших мудрецов Торы оставляет без духовной защиты все поколение. В течение короткого времени еврейский народ потерял двух величайших своих руководителей и светочей Торы: рава Шимона Шкопа и рава Баруха Бера Лейбовича.

Однако, несмотря на все это, у нашего народа все еще оставалась защита – великий мудрец Торы, наставник поколения, безоговорочный лидер и признанный законоучитель – рав Хаим Озер Гродзенский.

Рав Хаим Озер родился в 5623 (1863) году в небольшом городке Ивье (на территории

нынешней Беларуси). Его отец, рав Давид Шломо Гродзенский, ученик рава Исраэля Салантера, более сорока лет занимал пост рава этого места. В детстве рав Хаим Озер не отличался крепким здоровьем, но поражал окружающих совершенно феноменальной памятью. В возрасте 9 лет уникальные способности мальчика испытал великий рав Исраэль Салантер – он задал юному Хаиму Озеру алахический вопрос и дал свой ответ на него. Немного подумав, мальчик предложил главе поколения и выдающемуся мудрецу Торы свой вариант ответа и привел доказательства своей правоты из книг.

Когда раву Хаиму Озеру было 12 лет, отец послал его в местечко Эйшишки (на границе Литвы и Беларуси). Здесь со всего литовского края собралась для совместных занятий группа выдающихся учеников ешив. Здесь рав Хаим Озер отпраздновал свою бар-мицву. Несколько изменив принятую традицию, он предложил гостям на торжестве испытать себя на знание книг «Кцот а-Хошен» и «Нетивот а-Мишпат» (классические комментарии на Шульхан Арух). Любой из гостей начинал по книге цитировать произвольно выбранный отрывок, а рав Хаим Озер продолжал цитату по памяти до конца темы, сопровождая цитирование исчерпывающим собственным комментарием. Во время испытания виновник торжества ни разу не ошибся в цитате, приводя дословно множество страниц.

В возрасте 15 лет рав Хаим Озер поступает в великую Воложинскую ешиву. Несмотря на юный возраст, он становится слушателем урока и учеником рава Хаима Соловейчика из Бриска.

Когда рав Хаим Озер в возрасте 20 лет прибыл в Вильно, слава молодого мудреца Торы уже обгоняла его. По совету отца он женился на дочери рава Элияу Элизера Гродненского, виленского даяна и зятя рава Исраэля Салантера. После свадьбы рав Хаим Озер изучал Тору в доме тестя в течение двух лет. Затем, после смерти рава Элияу Элизера, виленская община предложила двадцатидвухлетнему раву Хаиму Озеру занять место тестя и фактически возглавить общину (со времен Виленского Гаона пост рава Вильно официально не занимается). Великие раввины того времени (гораздо старше рава Хаима Озера по возрасту) приветствовали

назначение: рав Хаим Соловейчик (он был на 10 лет старше), его наставник, прибыл в Вильно чтобы приветствовать своего ученика.

Следующие 55 лет община Вильно и весь народ Израиля были озарены светом мудрости рава Хаима Озера Гродзенского. В том поколении у нашего народа, слава Б-гу, не было недостатка в великих мудрецах. Несмотря на испытания и вопреки ненавистникам, наши святые ешивы были наполнены голосами учеников. Рав Хаим Озер в Вильно был безоговорочным лидером и непререкаемым алахическим авторитетом – величайшим среди великих!

Во время Первой мировой войны он бежал вместе с тысячами других еврейских беженцев на Восток. Но и в такой ситуации его лидерство проявилось ярко. Рав Хаим Озер, с помощью американских фондов помощи, создал сеть «хедеров для беженцев» и общественных столовых в десятках городов. Ешивы и их руководители, а также бесчисленное количество простых людей получали через рава Хаима Озера поддержку. Он также оказывал значительное политическое влияние в те бурные годы, предшествовавшие русской революции.

В период между двумя мировыми войнами рав Хаим Озер считался лидером и представителем религиозного еврейства. Он особенно много времени посвятил развитию настоящего еврейского образования и стал буквально «отцом ешив».

Вместе с Хафец Хаимом он основал «Совет ешив» в Вильно и помог создать широкую сеть ешивот ктанот (ешив для подростков) в городах и деревнях Восточной Польши, Полесья и Волыни.

У рава Хаима Озера не было ешивы в привычном понимании этого слова – на это у него просто не хватало времени. Группа выдающихся молодых мудрецов Торы, которая училась отдельно и только в Шаббат собиралась в доме рава, носила название «Кибуц рава Хаима Озера». Среди прочих, в эту группу входили рав Йехезкель Абрамский (автор фундаментального комментария на Тосефту и выдающийся наставник), рав Моше Шацкес (великий законоучитель, известный как «Рав из Ломжи»), рав Элиэзер Сильвер (один из лидеров послевоенного еврейства Торы в Америке).

Двери его дома никогда не закрывались – это просто не имело смысла, так как поток посетителей со всех концов еврейского мира

не иссякал. Вдовы и сироты, великие мудрецы Торы, главы общин и величайших ешив приходили со своими вопросами к раву Хаиму Озеру. Трудно поверить, что рав находил также время учиться и писать свой фундаментальный труд «Ахиэзер». Даже когда его единственная дочь тяжело заболела и оказалась прикованной к постели, он не оставил заботу об общине.

У рава Хаима Озера был блокнот, в котором он вел учет многочисленных благотворительных фондов, проходивших через его руки. Однажды этот драгоценный блокнот потерялся, и все попытки найти его были тщетны, к большому огорчению домочадцев. Тогда рав Хаим Озер сел и восстановил по памяти все сложные счета, которые занимали много страниц. Итоговая сумма оказалась верной. Некоторое время спустя блокнот был найден, и тогда выяснилось, что рав Хаим Озер даже не изменил порядок различных сумм и почти фотографически воспроизвел весь блокнот.

Иногда горожане наблюдали, как рав Хаим Озер, несмотря на возраст и положение, бежал из одного места в другое, чтобы успеть всюду. Он разрешал сложнейшие алахические вопросы и искал средства для поддержки нуждающихся как внутри общины, так и за ее пределами. Когда война привела в Вильно 20 тысяч еврейских беженцев, рав Хаим Озер сделал все необходимое, чтобы помочь этим людям, разместить и накормить их (община Вильно в те дни составляла 80 тысяч человек, и таким образом увеличилась сразу на четверть).

Однажды к раву Хаиму Озеру пришла бедная невеста-сирота с просьбой помочь в оплате свадебных расходов. После решения денежного вопроса, рав неожиданно спросил девушку: «Дочь моя, знаешь ли ты законы семейной чистоты?» Девушка ответила, что нет – после смерти родителей учить ее подобным вопросам было просто некому. Тогда рав принес книгу, сел напротив окна, и, не глядя на девушку, дал ей подробнейший урок по законам семейной чистоты. Таким образом, помимо приданого, девушка получила еще и совершенно необходимое для еврейской семьи наставление.

Летом рав Хаим Озер выезжал из Вильно в небольшое местечко Друскининкай. Сюда на отдых приезжали также выдающиеся мудрецы Торы и главы ешив: рав Шимон Шкоп, рав Барух Бер Лейбович, рав Аарон Котляр.

Многие ученики ешив, у которых была такая возможность, специально отпрашивались, чтобы поехать поучиться и посмотреть на величайших мудрецов Торы, собирающихся в одном месте. Однако поток писем и посетителей добирался до рава Хаима Озера и на отдыхе – не только община Вильно, но и все еврейство Торы не могло дать «отпуск» своему лидеру.

Как уже говорилось, дочь рава Хаима Озера была тяжело больна, и последние годы своей недолгой жизни была прикована к кровати. В ее последний день в этом мире, рав Хаим Озер неожиданно для всех заперся в комнате, и строго приказал домашним – ни по какому поводу его не беспокоить. Всем, кто это видел, было очевидно, что рав собирается в одиночестве выпросить у Небес отмену тяжкого приговора для дочери.

Время шло, состояние дочери рава ухудшалось, но он не выходил. Окруженная врачами и домочадцами, девушка покидала этот мир. Небесные врата оказались закрыты для молитвы в тот день, и чистая душа единственного ребенка рава Хаима Озера Гродзенского была возвращена Создателю...

Только через час рав вышел из своей комнаты. Повинуясь строгому запрету, никто не потревожил его, и только сейчас он узнал, что его дочь покинула этот мир. Безмерно горе родителя, потерявшего единственного ребенка, – рав Хаим Озер надорвал одежды и принялся оплакивать дочь...

Во время семи дней траура, кто-то из тех, кто был в доме в момент смерти дочери, спросил рава Хаима Озера: что же он делал в комнате взаперти? Ответ рава для многих стал огромной неожиданностью.

«В тот день с утра ко мне обратилась несчастная женщина. Ее муж пропал без вести много времени тому назад, и она не может вступить в новый брак. Это приносило ей неимоверные страдания. Она хотела, чтобы я, изучив ее вопрос, разрешил выйти замуж. Вопросы, связанные с агунот [женщинами, не получившими развода и не имеющими сведений о судьбе мужа] очень тяжелы и требуют глубокого изучения для вынесения правильного решения.

Я понимал, что Небесный приговор уже подписан, и жизнь моего ребенка уходит. Все семь дней траура я бы не мог изучать Тору, и несчастной женщине пришлось бы терзаться еще одну неделю, ожидая моего решения. Разве можно позволять человеку, пережившему тяжелые страдания, страдать и дальше?

Я понял, что уединиться и полностью сконцентрироваться на изучении вопроса – это мой единственный шанс разрешить той женщине выйти замуж. И пока я не нашел твердых доказательств правильности разрешения – я не имел права прерываться, ведь любая задержка продлевает страдания...»

В те тяжелые дни Вильно, в начале его присоединения к Литве, когда город был на осадном положении, никого не впускали и не выпускали, магазины были закрыты, и торговля остановилась, двум деятелям общины удалось получить разрешение на въезд в город, чтобы встретиться с равом Хаимом Озером. Закончив обсуждать вопросы общины, эти люди спросили рава Хаима Озера, не нужно ли ему что-либо из внешнего мира, где магазины были открыты, и торговля шла, возможно, они смогли бы тайком привезти ему то, что ему нужно. Рав Хаим Озер ответил им: «Здесь, в моем доме, помогает еврейская девушка, и ее обувь изорвана, и сейчас, в дождливые дни, ей тяжело. Если вы сможете достать ей обувь, это очень обрадует меня. Да, моя обувь тоже уже не в порядке, но я сижу дома, и это не так сильно мне мешает, но ей ведь нужно ходить по улице, а там холодно и дождливо!» Очевидец, присутствовавший при этом разговоре, позже рассказывал, что даже спустя несколько дней после того, как те два деятеля покинули его, рав Хаим Озер еще несколько раз занимался вопросом обуви для помощницы. И это при том, что он нес на своих плечах все бремя народа и его страданий. В письме (к раву Хизкияу Йосефу Мишковскому) он пишет: «Величайшее наслаждение в моей жизни для меня – делать добро другому и помогать тем, кто нуждается».

Рав Хаим Озер был одним из основателей «Агудат Исраэль» и поддерживал это движение на протяжении всей своей жизни. Кроме того, он был президентом Совета великих мудрецов Торы. Все эти посты не были номинальными – рав Хаим Озер являлся одним из выдающихся руководителей всего еврейского народа. Великий Хафец Хаим не подписывал никакие официальные документы без консультаций с равом Хаимом Озером.

Однажды, когда Хафец Хаим и рав Хаим Озер должны были подписать важное письмо,

Хафец Хаим отказался ставить свою подпись перед подписью рава Хаима Озера – из уважения к его величию в Торе. В свою очередь, рав Хаим Озер отказался поставить подпись перед подписью великого Хафец Хаима – из уважения к величию в Торе и почтенному возрасту великого мудреца. Хафец Хаим возразил: рав Хаим Озер – абсолютный алахический авторитет поколения для всего народа Израйля, и потому должен подписать первым. Но рав Хаим Озер привел веский аргумент в пользу первой подписи Хафец Хаима: тот был козном, и это обязывает выказывать ему почтение. Хафец Хаим согласился подписать первым, но только при условии, что рав Хаим Озер поставит свою подпись рядом – на одной строке, но никак не ниже.

Последние годы своей жизни, когда рав Хаим Озер страдал от тяжелой болезни, его деятельность ничуть не сбавляла оборотов. Даже когда родне удалось уговорить его лечь в больницу – руководство общиной и миром ешив оставалось в его руках. Ответы на многочисленные алахические вопросы также давались прямо с больничной кровати.

Величие рава Хаима Озера и масштаб его лидерства отражались в его ответах на вопросы, которые ему присылали со всего мира. Он писал каждый ответ лично, не доверяя это секретарю. Его ум был настолько дисциплинирован, что он мог одновременно писать ответ на сложный алахический вопрос, давать указания двум секретарям и говорить по телефону.

Его псак (решение) часто отражал заботу, выходящую далеко за рамки непосредственного поставленного вопроса.

Последние три постановления были такими:

1. Несколько учеников великой ешивы «Хахмей Люблин», бежавших в Вильно, хотели присоединиться к великой ешиве «Мир».

Ответ рава Хаима Озера: Нет! Каждая ешива имеет свое место в народе Израйля! Никто не имеет права игнорировать ешиву, особенно такую, как «Хахмей Люблин».

2. Было выдано несколько виз для выезда из Вильно, и возник вопрос: кто имеет на них больше прав, старые раввины и главы ешив или молодые? (Сам рав Хаим Озер мог бы выехать в любую страну по своему выбору, но отказался покидать общину.) Это был вопрос жизни и

смерти потому что ожидалось, что рано или поздно все станут жертвами либо русских, либо немцев.

Его ответ: старые раввины должны получить визы, потому что пожилые люди неустанно работали, чтобы те, кто остался, тоже получили визы.

Его последний записанный ответ (он передал его раввину Луцка, раву Залману Сорочкину для проверки перед отправкой) был адресован швейцарскому раввину. Шхита была запрещена в Швейцарии на протяжении многих лет. Это не создавало трудностей для швейцарских евреев, поскольку они полагались на импортное мясо. Однако, когда нацисты оккупировали все страны, окружающие Швейцарию, раввины спросили рава Хаима Озера, допустимо ли оглушать животное электрическим током перед шхитой, чтобы соответствовать швейцарскому законодательству.

Его ответ: Нет! Сославшись на многочисленные источники, он завершил свой ответ следующими словами: «Евреи – древний народ – старый и седой от бед и врагов. Однако все его враги прошлого исчезли, а евреи все еще существуют. В такие времена каждый призван проявить самопожертвование (месирут нефеш) даже если дело касается постановления мудрецов, – тем более, в нашем случае, когда речь идет о запрете Торы. Мое решение, таким образом, состоит в том, что это предложение запрещено».

Рав Хаим Озер Гродзенский, великий руководитель и наставник всего народа Израйля, был призван в Небесную Ешиву 5 Ава 5700 (1940 года).

Что было дальше – хорошо известно всем. Со смертью рава Хаима Озера народ Израйля лишился великого защитника, и началось кровопролитие, унесшее жизни миллионов наших братьев. Эпоха великих ешив Литвы и Польши закончилась. Однако великие дела мудрецов Торы не проходят бесследно. На Земле Израйля и в Америке проросли посевы рава Хаима Озера Гродзенского, и последующие поколения удостоились принять Тору из рук его учеников и возвести святые ешивы, начав тем самым новую эпоху в бесконечной цепи передачи Торы.

Составил: рав Арье Кац

Цадик из Манхэттена

Рухома ШАЙН

Часть 3

Глава 34

Добро за добро

Годами ранее я написала папе в Эрец Исраэль, что мы наконец переезжаем в более просторную квартиру на Ист-Ривер Драйв после того, как много лет нам приходилось тесниться в малюсенькой и темной мало-метражке. Он незамедлительно написал в ответ: «Прежде, чем покупать мебель для новой квартиры, сначала купи свиток Торы для своего нового дома.»

Мы с моим мужем р. Моше были весьма удивлены советом отца, но, конечно, раз он предложил, я сразу же написала ему, что мы купим свиток у него, и чтобы он выбрал свиток для нас. Мы ждали прибытия свитка. Через несколько месяцев после того, как мы переехали в новую квартиру, прибыла наша новая Тора. Р. Моше, дети и я были очень взволнованы, когда мы, наконец, поместили ее в специальную секцию нашего, сделанного на заказ книжного шкафа.

Однажды в Нью-Йорке была сильнейшая метель. В понедельник утром мужчины не смогли пойти в синагогу. Поскольку было известно, что у нас есть свиток Торы, соседи собрались в нашей квартире на утреннюю молитву. Среди наших почетных гостей был великий рав Моше Файнштейн, который жил прямо напротив нас; рав Шмуэль Эренфельд, известный во всей Европе как великий Маттерсдорфер рав, который жил двумя этажами ниже нас; рав Шмуэль Лейб Свей из соседней квартиры, чей сын – знаменитый рав Илья Свей, основатель ешивы в Филадельфии, и рав Шмуэль Каменецкий, сын великого рава Якова Каменецкого и сам большой мудрец Торы и глава ешивы.

[Биографическая справка: **Раби Моше Файнштейн** (1895-1986), родился в г. Узда, недалеко от Минска. Его отец был раввином города. С раннего детства отличался неординарными способностями. Учился с отцом и в ешивах Слицка и Шклова. Уже в молодом возрасте прославился всеобъемлющими познаниями Торы и стал раввином г. Любани.

Жизнь раввина в Советском Союзе в тридцатые годы была тяжелой и чрезвычайно опасной. Р. Моше решил, что ему необходимо выбраться из-за железного занавеса. Чудом его родственникам за границей удалось добиться для него разрешения на выезд из Советского Союза, и в 1938 году он приехал в Нью Йорк. Через некоторое время стал главой ешивы «Тиферет Иерушалаим».

Р. Моше обладал феноменальными познаниями в Торе и, кроме преподавания, посвящал много времени ответам на вопросы по еврейскому закону. Через некоторое время после прибытия в США он прославился как эксперт по алахе и со временем стал самым большим авторитетом своего поколения. Самые сложные вопросы решались в небольшой квартирке р. Моше Файнштейна, и самые большие эксперты жаждали услышать его мнение.

Р. Файнштейн отличался скромностью и отцовской заботой об учениках своей ешивы. Его соседи и знакомые никогда не чувствовали, что говорят с величайшим авторитетом и лидером поколения.

Р. Файнштейн издал данные им ответы в сборнике «Игрот Моше». Кроме того, он оставил нам многотомный сборник объяснений Талмуда и ещё несколько книг].

[Биографическая справка: **Рабби Шмуэль Эренфельд** (1891-1980), известный как рав Маттерсдорфа, родился и вырос в городе Маттерсдорф в Австрии. Он был потомственным раввином и прямым потомком знаменитого р. Моше Софера, известного как Хатам Софер.

Р. Шмуэль был способным и усердным знатоком Торы. К 19 годам он получил звание раввина, в 21 год возглавил ешиву, а в 35 лет, после смерти отца, стал главой своей общины в Австрии и также главой Зибенгемайнден – совета семи общин Бюргенлэнда.

Еврейская жизнь в Австрии закончилась в день Аншлюса – аннексии Австрии Германией. Немецкие офицеры предупредили р. Эренфельда, что все евреи будут вскоре уничтожены. Он сделал все возможное, чтобы вывезти максимальное количество членов своей общины за границу. Через полгода семья Эренфельдов переселилась в США.

В Америке р. Эренфельд в первую очередь вновь открыл свою ешиву, которая процветает по сей день. Кроме того, он стал раввином общины. Он издал все книги, написанные его дедом и отцом, а также и некоторые собственные работы.

Продолжая жить в Нью-Йорке, р. Эренфельд основал общины Маттердсдорф в Иерусалиме. Один из его сыновей, р. Акива Эренфельд, возглавил её].

[Биографическая справка: **Рабби Акива Эренфельд** (1923-2012), старший сын р. Шмуэля Эренфельда родился в Австрии. В 1938 вся семья бежала в США. Р. Акива учился в бруклинской ешиве Тора Ведаат. Помогал своему отцу основать район Кирьят Маттердсдорф в Иерусалиме. В 1990 он сам поселился в этом районе и стал главой общины и президентом различных организаций, которые там функционировали. Он установил контакт с правительством Австрии, которое было заинтересовано в развитии общин Маттердсдорф и Ундсдорф в Иерусалиме].

[Биографическая справка: **Раби Илья Свей** (1924-2009) родился в Каунасе. Родители привезли его в Америку, когда ему было 9 лет. Р. Свей учился в ешиве и со временем стал одним из ближайших учеников р. Аарона Котлера. Крупнейший знаток Торы, он стал главой ешивы в г. Филадельфия. Он также был членом Совета Мудрецов Торы США.

Р. Свей помог основать еврейскую школу Сайнай Академи в Бруклине для мальчиков-выходцев из СССР].

[Биографическая справка: **Яков Каменецкий** (1891-1986) родился в деревне Калысковка в России. Будучи молодым человеком переехал в Минск, а потом пошел учиться в ешиву Слободка. В 1926 году становится раввином небольшого литовского села Цитавян. Р. Яков доволен своей должностью, которая не ведет к славе, но оставляет ему много времени для изучения Торы. Но после более десяти лет в Цитавяне, из-за невероятной нищеты, р. Яков вынужден поехать в Америку на сбор средств в качестве представителя своего старого коллеля.

Почти сразу после прибытия в чужую страну, р. Яков обнаруживает, что сбор средств ведется не совсем честным путем, и сразу же отказывается от этой работы. Таким образом, он лишается всяких средств к существованию. Но вскоре ему предлага-

ют временную должность раввина в городе Сиэтл, а потом – постоянную должность в канадском городе Торонто. Несмотря на то, что большая часть общины Торонто – это хасиды, теплый характер р. Якова и его постоянная улыбка, также как и обширные познания в Торе, настолько привлекают их, что ему предлагают постоянную должность раввина. Р. Якова всё ещё гложут сомнения, стоит ли ему остаться в Америке. Глава общины уговаривает его перевезти семью в Торонто, и дарит ему билеты для его жены и детей. Семья Каменецких перебирается в Северную Америку, что спасает их от уничтожения.

Американская публика постепенно понимает, что в их среде появился великий мудрец Торы. Р. Яков становится главой ешивы «Тора Ведаат» в Бруклине. На этой должности р. Яков проработает 20 лет. (В этот период он становится вдовцом, и позже женится второй раз).

В 1968 г. Р. Яков уходит с должности главы ешивы, и переезжает в г. Монси, где он рассчитывает посвящать все свое время изучению Торы и подготовке к публикации многочисленных материалов, которые накопились у него за многие годы работы над Торой. Но молодая община города Монси назначает р. Якова своим неофициальным лидером, и всё его время занято преподаванием, работой раввина общины, личными советами и т.д.

Всевышний благословил р. Якова крепким здоровьем и он активно ведет дела своей общины почти до самой кончины в возрасте 95 лет].

[Биографическая справка: **Шмуэль Каменецкий** (р. 1924) – третий ребенок р. Якова Каменецкого. Учился в ешиве «Нер Исраэль» в Балтиморе, потом в ешиве в Лэйквуде.

В начале 1950-ых р. Аарон Котлер посылает р. Шмуэля в Филадельфию, чтобы он основал там новую ешиву, что он и делает. Р. Шмуэль продолжает возглавлять эту ешиву до сегодняшнего дня. Кроме того, он является членом Совета Мудрецов Торы Америки и председателем нескольких важных общественных организаций. Он – один из раввинов, возглавляющих систему образования «Хинух Ацмаи» в Израиле].

Через несколько дней после того, как метель утихла, многие наши соседи, приходившие на молитву, спросили р. Моше, можно ли продолжить ранние утренние молитвы в нашем доме на неопределенный

срок. Таким образом, они могли бы каждый день молиться с миньяном [кворумом]. Дело в том, что некоторые из наших соседей были вынуждены уходить на работу очень рано, и из-за этого у них не всегда была возможность молиться вместе с другими в синагоге.

У меня тоже была заслуга молиться с этим миньяном, который продолжался несколько лет, пока мы не уехали в Иерусалим.

За несколько месяцев до того, как мы поселились в Иерусалиме, Джек и Молли Исби из Детройта, штат Мичиган, переехали в Иерусалим, в дом, в котором мы купили квартиру. Мистер Исби был очень болен, и его семья решила, что хочет, чтобы он прожил оставшиеся годы в Иерусалиме. Поскольку из-за болезни у него не было возможности ходить в синагогу, в его квартире три раза в день проводились ежедневные молитвы с миньяном. Когда мы переехали, р. Моше попросили присоединиться к этому миньяну, и он стал одним из постоянных его членов. Благодаря миньяну мы стали очень близкими друзьями с семьей Исби.

Господин Исби прожил в Иерусалиме больше года, а затем скончался. Семья решила продолжать миньян по субботам и праздникам до первой годовщины его кончины. Когда год закончился, и семья Исби задумалась о прекращении постоянных молитв у себя дома, р. Моше столкнулся с проблемой. Из-за больного сердца он не мог подниматься и спускаться по двум с половиной лестничным пролетам из нашей квартиры в местную матерсдорфскую синагогу через дорогу от нашего дома. Миньян семьи Исби был идеальным решением проблемы для него, так как находился всего в полуметре от нашей квартиры.

Я обсудила эту проблему с Молли Исби и попросила ее поговорить со своими детьми о продолжении миньяна специально для моего мужа, чтобы у него была возможность молиться с другими людьми по субботам и праздникам. Они согласились, и миньян продолжился, а у моего мужа была заслуга молиться с миньяном в течение последующих двадцати лет, вплоть до его кончины.

Миньян семьи Исби продолжает существовать и сейчас. Он стал хорошо известен, и в нем участвуют многие мудрецы Торы. Миньян также важен и для меня, потому что с возрастом мне становится все труднее

преодолевать многоступенчатый путь в матерсдорфскую синагогу по субботам и праздникам.

Из этого ясно видно, как Всевышний оплатил р. Моше и мне за те годы, когда мы устраивали общественные молитвы у себя дома и давали возможность нашим соседям молиться каждое утро с миньяном.

Очень мудрый совет моего отца приобрести свиток Торы, когда мы переехали в новую квартиру, стал отличным вложением. Надеюсь, что очень скоро у нас будет возможность приветствовать нашего святого Машиаха вместе с членами миньяна семьи Исби.

Приготовления к поездке были суматошными, так как я уезжала на неделю раньше, чем предполагалось. Моше и дети пришли проводить меня. Прощание было коротким, так как все происходило в спешке, и я чувствовала стресс.

Я поднялась на борт самолета и нашла свое место. Я не могла дожидаться окончания полета. Мой агент заказал кошерную еду, но не указал, что она должна быть молочной. Я не ем мясо во время Девяти дней [с начала месяца Ав и до дня Тиша бе-Ав]. Мне подали мясные блюда, которые я вернула, даже не потрудившись открыть. В любом случае, у меня не было аппетита.

Я надеялась прибыть в Иерусалим до начала поста, но этому не суждено было случиться. Самолет задержали в Лондоне, а потом еще раз в Париже, так что к тому времени, когда мы приземлились в аэропорту Лод, на темно-синем израильском небе уже мерцали звезды.

В аэропорту меня некому было встретить, так как я не написала Нохуму Довиду об изменении планов. Я была голодна, подавлена и страшно устала. Тиша бе-Ав наложил на меня печать печали.

Я взяла такси, едущее в Иерусалим, и дала водителю адрес Нохума Довида. Было уже 22:00, когда такси припарковалось перед его домом. Водитель выгрузил мой багаж на тротуар и уехал. Улица была пустынная.

Я поднялась по лестнице и тихонько постучала в дверь Нохум Довида. Он настороженно открыл дверь, недоумевая, кто мог прийти к нему в эту скорбную ночь.

«Ракома!» – воскликнул он. «Хайе Дубе, Ракома здесь!» Хайе Дубе, которая уже легла спать, выскочила в халате, чтобы попривет-

ствовать меня. Нохум Довид предупредил: «Никаких приветствий, никаких поцелуев – сегодня Тиша бе-Ав!». Мы с Хайе Дубе отпрыгнули друг от друга.

Нохум Довид поднял мой багаж в свою квартиру. Я села на низкий табурет и рассказала им обо всех событиях, которые привели к тому, что я приехала на неделю раньше, чем ожидалось. Я упомянула, что весь день постилась. «Если завтра днем ты почувствуешь сильную слабость, то сможешь что-нибудь покушать», – сказал он.

Я выдержала свой двухдневный пост. Пребывание в Иерусалиме, где произошло разрушение Святого Храма, заставило меня забыть о голоде. Мы решили не сообщать папе о моем приезде до окончания поста. Сразу после окончания поста мы поспешили домой к папе. Моя депрессия исчезла, вместо нее меня охватило чувство радостного предвкушения.

Нохум Довид и Хайе Дубе вошли к папе в столовую. Папа сидел и пил кофе. Я нетерпеливо ждала на крыльце, заглядывая в окно.

«Папа, у тебя особый гость», – взволнованно сказал Нохум Довид. Я не могла больше ждать. Я бросилась в дверь и остановился на мгновение в тот момент, когда папа увидел меня. Глаза у него загорелись. Он схватил меня за обе руки: «Рухома, это действительно ты?». Он снова и снова повторял этот вопрос, не отпуская меня. Тетя Мирл тепло и радостно меня приветствовала.

Папа не изменился физически с тех пор, как я видела его в последний раз три года назад. Его лицо было по-прежнему гладким, без морщин, а глаза светлыми. Но я заметила, что память у него ослабла. «Расскажи мне о Моше, о своих детях и внуках», – попросил он. Я рассказала ему о каждом из них. Через некоторое время он повторил ту же просьбу, забыв, что уже спрашивал меня о них.

Моя радость от того, что я снова увидела папу, была безграничной. Мы говорили с ним до поздней ночи, пока он не задремал у себя в кресле. Я осторожно высвободила свою руку из его руки, и мы на цыпочках вышли из его дома.

Первый Шаббат после моего приезда был «Шаббат Нахаму» [Шаббат, в который начинают читать пророчества об утешении после разрушения Храма и изгнания еврейского народа из земли Израиля].

Я слушала главу Ваэтханан, в которой упо-

минаются десять заповедей. Когда прочитали пятую заповедь: «Почитай отца своего и мать свою, как заповедал тебе Г-сподь, Б-г твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо было тебе в земле, которую Г-сподь, Б-г твой, дал тебе», у меня возникло чувство воодушевления.

Я рассказала папе о своих переживаниях и о том, что мой визит к нему почти сорвался. «Рухома, за то, что ты выполняешь заповедь почитания отца, Босс хочет благословить тебя долгими годами жизни в Эрец Исраэль. Именно поэтому запланированную тобой поездку отменили. Если бы ты приехала на неделю позже, то попала бы на главу Эйкев. Неудивительно, что сатана делал все возможное, чтобы помешать твоему приезду. Слава Б-гу, что ты приехала!»

При первой же возможности я связалась с р. Клайном, как просил р. Эренфельд. Он был доволен тем, что я передала ему личное приветствие от всей его семьи в США. Затем я сказала ему: «Раввин хочет, чтобы я посмотрела место, где вы собираетесь построить свою новую общину». Р. Клайн назначил для меня время на следующей неделе.

Он приехал за мной на такси. Мой племянник, Авремал, сопровождал нас. Мы поехали на окраину города и припарковались на склоне, выходящем на каменистый, пыльный склон. Водитель объяснил, что его такси не может ехать дальше.

Мы вышли из машины и полезли вниз через камни и низкие колючие кусты, пока не вышли на расчищенное место. Рабби Клайн остановился и показал пальцем. «Здесь, с Б-жьей помощью, будет построен Кирьят Маттерсдорф», – радостно сказал он. Я была настроена скептически. Мне казалось невозможным, что на этом скалистом склоне будет возведено какое-либо здание, не говоря уже о целом городском районе.

«Когда вы намерены начать строительство?» – спросила я его.

«Как только наш архитектор закончит разработку планов и мы наберем достаточное количество людей, заинтересованных в покупке квартир», – ответил он.

«А что это там?» – спросил Авремал, указывая на какие-то жилища далеко на горизонте.

«О, это город Рамалла – арабский город в Иордании».

Он заметил выражение шока, которое появилось у меня на лице, и поспешил объяснить: «Арабы нам абсолютно не угрожают. Нас отделяет от них не менее восьми километров бесхозной земли».

В золотом свете иерусалимского утра я оглядывала бесплодный, усыпанный булыжниками склон холма. «Рабби Клайн, – выпалила я, – когда начнете принимать заявления на квартиры, зарегистрируйте нас самыми первыми!»

Р. Клайн записал необходимую информацию и спросил: «Какую квартиру вы предпочитаете? Сколько комнат?»

«Квартира с двумя спальнями, солнечная, не слишком высоко и не слишком низко, в первом здании», – ответила я, как во сне.

Затем я попросил Авремаля сфотографировать меня, а я сфотографировала р. Клайна и Авремаля, чтобы показать их фотографии раву из Маттерсдорфа.

Когда я рассказала папе о квартире, которую «практически купила», он широко улыбнулся. «Видишь, Рухома, благословение уже в процессе.»

Я проявила фотографии и написала на обратной стороне: «Поселок Маттерсдорф, вход в наш дом, август 1963 года».

Следует отметить, что через несколько месяцев после моего возвращения после поездки к папе мне позвонил р. Акива Эренфельд, старший сын рава из Маттерсдорфа. «Реббетцин Шайн, у меня для вас хорошие известия. Я только что получил сообщение от р. Клайна, что ваше заявление принято, и вы первая в списке на покупку квартиры».

«Спасибо, р. Эренфельд, но я должна сказать вам, что, когда я попросила р. Клайна записать меня на квартиру, я сделала это несколько импульсивно! Однако я обсужу это с мужем и перезвоню вам», – сказала я.

«Мы очень заинтересованы в том, чтобы такие люди, как вы и раввин Шайн, жили в нашей общине. Я дам вам очень выгодные условия оплаты», – сказал р. Эренфельд.

Я с нетерпением ждала возвращения Моше из ешивы. «Моше, – воскликнула я, как только он вошел в дверь, – звонил р. Акива Эренфельд – принимают заявки – мы первые в списке на квартиру – он даст нам отличные условия – давай купим квартиру, даже если ты считаешь, что мы не можем

сейчас поселиться в Эрец Исраэль или оставить детей – это выгодно, иметь квартиру в Иерусалиме!» – закончила я, задыхаясь.

Мой восторг был заразителен. «Ракома, – ответил он, – давай!».

Я не стала ждать, пока он добавит еще хоть слово. Я бросилась к телефону. «Рабби Эренфельд, мы заинтересованы в покупке квартиры. Я хотела бы услышать все подробности как можно скорее.»

«Я скоро поднимусь к вам.» Он был очень доволен.

Я позвонила Эстер и Бесси и рассказала им о нашем решении купить квартиру. Они обе решили, что если мы купим квартиру, то и они тоже присоединятся к нам.

Р. Хаим Шейнберг был весьма ошеломлен, когда его жена Бесси сказала ему, что хочет немедленно купить квартиру в Иерусалиме! Он был главой ешивы «Тора Ор», которую он основал в районе Бенсонхерст в Бруклине, и у него было много учеников, к которым он испытывал глубокую привязанность.

С нашей поддержкой и при содействии р. Эренфельда он полетел в Эрец Исраэль, чтобы «разведать землю». Когда он вернулся, он тоже был убежден, что Иерусалим – это самое лучшее место для его семьи и для ешивы.

9 мая 1965 года, как только первые квартиры Кирьят Маттерсдорфа были готовы к заселению, р. Хаим и Бесси, их зять и дочь (р. Хаим Дов и Фрума Рохл Альтуски и их семья), их сын и невестка (р. Симха, Рохл и их семья) с пятью другими семьями и более чем двадцатью учениками перебрались в Иерусалим.

Р. Хаим заново основал свою ешиву, «Ешива Тора Ор», в Кирьят-Маттерсдорф, где она превратилась в известнейшее место изучения Торы с сотнями учеников, включая большой коллель для женатых мужчин.

Раввин Хаим Шейнберг также является судьей Кирьят-Маттерсдорфа.

Хотя мы первыми приобрели квартиру в Кирьят-Маттерсдорфе, только в июле 1968 года мы с Моше поселились в нашей квартире в первом доме. Моя сестра Эстер поселилась в Иерусалиме в то же время, что и мы.

Благословение, которое я получила, когда посетила папу в 1963 году, наконец-то исполнилось.

Продолжение следует

Перевод: рав Б. Набутовский

Сердечно поздравляем

р. Нахума Офмана и его супругу
с рождением внука
(Бейтар)

р. Пинхаса Райхмана и его супругу
с рождением внука
(Цюрих)

р. Шломо Полонского и его супругу и
с обручением дочери – **Малки Лилах**
(Бейтар)

р. Йонатана Ерухимовича и его супругу
и **р. Биньямина Котляра и его супругу**

с обручением детей –

Давида Мордехая и Эстер

р. Шахнея Кацена и его супругу,

и г-жу **Рахель Котлярову**

с обручением внуки

(Иерусалим – Офаким)

Семью Дэвис
и **р. Якова Кацена и его супругу**
с обручением детей –

Мордехая и Мирьям Ширы

р. Шахнея Кацена и его супругу,

р. Льва Клеймана и его супругу

и г-жу **Бетти (Батю) Бренер**

с обручением внуков

(Иерусалим – Бейтар – Тифрах – Ашдод)

р. Шломо Полищука
с окончанием трактата "Бава Батра"
(Брахфельд)

Рав Игаль Полищук и фонд Беерот Ицхак
сердечно поздравляют Рава Мордехая Лифшица
с окончанием всего Вавилонского Талмуда

Прием поздравлений по тел.: +972 52 760 80 11 • 02 674 34 84

С Б-жьей помощью

7 тамуза 5785 года (июль 25)

Дорогие друзья!

Обращаюсь к вам с экстренной просьбой!

Деятельность Беерот Ицхак не прекращалась ни в дни мира, ни в дни войны. Однако по ряду обстоятельств мы не смогли полностью выплатить стипендии и зарплаты. Наш долг в типографии вырос до 60 тысяч шекелей, они предупредили, что если мы в ближайшее время не покроем большую часть долга, то не сможем напечатать следующий номер.

Чтобы мы смогли продолжить радовать Вас замечательными словами Торы, которые с любовью и старанием готовят для Вас наши переводчики, а так же продолжить помогать семьям наших аврехим, очень прошу Вас помочь нам и срочно перевести нам дополнительные пожертвования. Чтобы оплатить типографию и выплатить наши долги сторудникам, нам необходимо по крайней мере 160 000 шекелей (около 45 000 долларов или евро). Поэтому прошу всех вас добавить дополнительное пожертвование – **370 шекелей.**

Да поможет вам Всевышний во всех Ваших добрых делах в заслугу поддержки и распространения Торы!

С благодарностью,

Игаль Полищук